

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

СХВАТКА БЕЗ ПРАВИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Схватка без правил

«Автор»

2002

Орлов А.

Схватка без правил / А. Орлов — «Автор», 2002 — (Тени войны)

В далеком космосе идет жестокая война. Гуманоидная раса урайцев одну за другой захватывает планеты Примарской империи. Разведка примаров решает установить связь с могущественными Объединенными Англизонскими Мирами. Решающая роль в этой аванюре отведена Нику Ламберту. Судьба сводит его с Эдгаром Хубертом, смертельным врагом, с которым он вынужден заключить временный союз. Множество опасных приключений подстерегает их на пути в Англизонские Миры.

© Орлов А., 2002

© Автор, 2002

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	15
6	17
7	18
8	20
9	23
10	25
11	28
12	31
13	33
14	35
15	37
16	39
17	42
18	44
19	46
20	47
21	50
22	51
23	54
24	56
25	58
26	60
27	62
28	64
29	66
30	68
31	70
32	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алекс Орлов

Схватка без правил

1

Если бы кто-то еще год назад сказал Нику, что он так скоро привыкнет к своей новой жизни, он бы не поверил.

Однако это было так. Вообще-то все новички в Форт-Диксе привыкали очень быстро, потому что думать о посторонних вещах, жалеть себя и надеяться на лучшую долю здесь было просто некогда – днем учеба, ночью сон, в свободное время тоже учеба, поскольку дополнительные занятия в Форт-Диксе поощрялись.

Считалось, что принести родине пользу может лишь тот, кто не щадя себя старается стать лучшим во всех дисциплинах. К тому же дополнительные занятия повышали шансы при сдаче нелегких выпускных экзаменов, которые сильно отличались от того, что называлось экзаменами в обычных учебных заведениях.

Многие после подобных испытаний попадали в госпиталь, и это означало, что почетного шеврона им не видать до отправки в действующие части.

Те же, кто успешно преодолевал все трудности, получали отличительные знаки лейтенантов и в придачу неограниченную власть над своими менее усердными или не столь удачливыми товарищами.

А еще они получали главную привилегию – не бояться никого и ничего.

«Всего два года, Ник. Всего два года – и весь этот кошмар кончится», – говорил себе Ламберт в первые месяцы, которые казались ему сущим адом. Каждый прожитый день он считал личным достижением, а когда к нему приезжали дознаватели из Службы имперской безопасности, Ник радовался как ребенок. Ну как же – полдня он сидел в прохладном кабинете и отвечал на вопросы, в то время как учебные роты, наевшись концентрированных витаминов, выходили на выполнение долгих тренировочных программ.

Правда, работа с дознавателями тоже была не такой уж легкой. Время устных разговоров давно прошло, и всю информацию о цивилизации Новых Территорий из Ника выкачивали с помощью хитрых приспособлений, вводя его в состояние сна и стимулируя мозг нейрорезонаторами.

После трехчасового сеанса он чувствовал себя так, будто пропьянствовал весь предыдущий день. Поэтому до самого отбоя Ламберта уже никто не трогал, и он спал в казарменном помещении как убитый.

Как-то, еще до поступления в Форт-Дикс, Ник поинтересовался у дознавателей, что дают эти сеансы, и ему показали отрывок наговоренного им текста. Это был точный пересказ главы из книги, которую он прочитал в пятнадцать лет.

Ламберта поразило, каким чужим и безразличным звучал в записи его голос. Он совершенно себя не узнавал. Зачем сотрудникам СИБ понадобилась книжка его юности, он не понимал, однако давно уже перестал удивляться всеядности этих джентльменов. Они интересовались всем, даже формой столовых приборов и самой популярной расцветкой презервативов, составляя психологический портрет своих дальних родственников.

Названия планет, государства, политические союзы и общенациональные праздники – все эти данные аккуратно укладывались в составляемую сотрудниками СИБ большую модель Новых Территорий. Чем точнее эта модель отвечала бы реальному положению вещей, тем более эффективными должны были стать действия примаров в установлении контакта с родственной нацией.

Что касается самого Ника, то он поначалу несколько растерялся в новых условиях и сгоряча предлагал примарам действовать немедленно. Он вызывался стать посредником на переговорах с правительством Объединения Англизонских Миров, самого большого государства в мире Новых Территорий. Однако работавшие с Ником люди лишь вежливо благодарили его, чем и ограничивались. Уж они-то понимали, что устремления отдельного гражданина могут не совпадать с желаниями и планами политической элиты и что никакие общие корни еще не являются гарантией дружественных контактов.

Когда до Ника наконец дошло, что у сотрудников СИБ на все есть свои собственные взгляды и никто не собирается бросать флот на прорыв к его родным планетам, он был немного разочарован.

– Выходит, я попаду домой не очень скоро, сэр? – спросил он однажды майора Фонтена, который занимался с ним дольше других сотрудников.

– Может так случиться, что вы вообще никогда туда не попадете, Ник.

– Что же мне тогда делать? Как жить?

– Живите, как хотите. Имперский институт мозга намерен изучать вас наиболее щадящими методами. Это самое простое, что вы можете выбрать. Вам будет обеспечено самое комфортное проживание и даже контакты с молодыми женщинами, чтобы проверить...

– Нет-нет, сэр! Только не это! – прервал Фонтена Ник. – То же самое со мной проделывали и урайцы... Это для меня не свобода...

– Тогда чего же вы хотите?

– Я хочу пойти в армию.

– В армию? У вас свои счета с урайцами или вы воспылали любовью к Примарской Империи? – На лице майора появилась циничная улыбка, свойственная людям тайных профессий.

– Наверное, личные счета, сэр, – неуверенно ответил Ник.

– Хорошо, мы можем посодействовать, чтобы вы попали в одну из пехотных частей. Правда, в боевых действиях вы начнете участвовать не раньше чем через год. Это опять же связано с намерением Института мозга снять у вас кое-какие нужные им показатели. Да и наши беседы еще не окончены.

– Но я военный пилот, сэр.

– Да, Ник, я помню об этом. Но здесь вам придется серьезно переучиваться, и даже после этого вам вряд ли доверят что-то новее устаревших штурмовиков «браво-14». Семь-восемь рейдов – это все, на что хватает пилотов «браво», после чего они уже не возвращаются с задания. Вам нравится подобная арифметика?

– Не очень, – признался Ник. – Тогда, быть может, раз мне все равно нужно учиться...

– Ну-ну, я слушаю...

– Мог бы я стать «корсаром», сэр? – осторожно спросил Ник.

– Стать специалистом технического обеспечения – да.

– Нет, сэр. Меня интересует настоящая боевая работа. Я хочу штурмовать суда и стрелять из огромной пушки...

– Вы не вышли ростом, Ник. Это раз. У вас были серьезнейшие ранения – это два. И, наконец, третье – у вас есть родственники среди граждан враждебного государства Урайи.

– Какие родственники, сэр?

– Но вы же сами рассказывали, что, когда урайцы вас исследовали, они принудили вас к сожительству с тремя молодыми женщинами, которые впоследствии забеременели.

– Это был всего лишь эксперимент, сэр, и юридических прав на меня эти девушки не имели. Наш брак никак не регистрировался...

– Я не о девушках. Я имею в виду детей, которые у них родятся. Вы могли бы стрелять в собственных деток, Ник, даже если зачали их против собственной воли?

Ламберт представил трех пухлых младенцев и рядом с ними маньяка из фильма «Киш-шес-237». Младенцев было жалко.

– Значит, и сюда мне дорога закрыта, – погрузнел он.

– Ну почему же, – улыбнулся майор. – Ваш рост метр семьдесят девять, а нужно метр девяносто пять. Недостающие сантиметры вам легко подтянут в учебке, это не проблема. То же касается ваших застарелых травм – немного хороших препаратов, внимание опытных остеопатов, которые способны творить буквально чудеса, и, я уверен, учебные нагрузки станут вам вполне по силам.

– Тогда остаются только дети?

– На самом деле это тоже всего лишь формальность. Неизвестно еще, родятся ли они вообще.

– Так, значит, можно?

– Можно, Ник. – Майор снова позволил себе специфическую улыбочку. – Можно, но из ста человек, пришедших в учебку, через месяц уходят шестьдесят. И начальник учебного подразделения не возражает. Стать «корсаром» почетно, Ник, однако почти невозможно. Курсанты, которые прошли все учебные программы, сдают жестокий экзамен, который отсеивает еще половину. И только оставшимся присваиваются офицерские звания и нашивается шеврон с буквой «К».

– И все-таки я хочу попробовать, сэр, – сказал тогда Ник.

– Просто попробовать? Стоит ли напрягаться?

– Нет, не попробовать. Я вполне определенно хочу стать «корсаром», сэр... И у меня еще один вопрос: что происходит с теми, кто не прошел экзамен?

– Они сдают его снова, но уже в реальном бою. Те, что возвращаются живыми, так и получают желанный шеврон.

– Значит, целых два года...

– Это теперь два. Раньше курс длился все восемь лет.

– Восемь лет?! – поразился Ник. – Но почему так долго?

– Это было давно. Теперь и методики обучения другие, и оружие, и тактика. Да и времени лишнего на войне нет... Ну что, мне готовить для вас рекомендации?

Ответ дался Нику Ламберту нелегко. Он набрал в легкие побольше воздуха и ответил:

– Да, сэр. Я готов и прошу вашей рекомендации.

2

Теперь, когда после того разговора прошел целый год, Ник уже лучше понимал, о чем его предупреждал майор Фонтен.

К концу первого месяца он действительно был близок к тому, чтобы подать рапорт. Он бы и подал его, не вмешайся в это дело сержант Поджерс, которого Ник считал своим персональным истязателем.

– Ну что, сынок, – сказал Поджерс как-то ночью, подняв Ника с постели, – надеюсь, ты знаешь, что тебе делать? Через три дня половина роты подаст рапорта, и ты просто обязан сделать то же самое. Тебе это ясно, курсант Ламберт?

– Ясно, сэр, – ответил Ник, вытянувшись перед огромным сержантом по стойке «смирно».

– Я рад, что ты такой понятливый. Однако хочу добавить, что если ты останешься – по чистой случайности, то тебя отчислят по медицинским показаниям. Я лично приложу к этому руку, тем более что в твоём медицинском файле и так уже отметки ставить некуда. Ты доходяга, Ламберт, и вообще дерьмо. Ты мелковат для нашей службы, да и трусоват тоже. И поспать ты любишь... Ещё нужно что-то говорить?

– Я все понял, сэр, – быстро ответил Ник.

– Понял-то понял, но закрепить пройденный материал не помешает...

С этими словами Поджерс так двинул Ника в солнечное сплетение, что тот увидел разноцветную радугу и белые искорки, выходящие в воздухе, словно мошки.

Когда он сумел наконец сделать первый вдох, сержанта рядом уже не было.

Ник помассировал себе живот и снова уснул, поскольку спать курсантам хотелось все время.

Утром сержант Поджерс построил учебную роту и объявил, что настало время попробовать на вкус, что такое быть настоящим «корсаром». После этого рота промаршировала на склад, где курсанты получили полный комплект тяжелого вооружения, в которое входили штурмовые доспехи, навесные системы наведения, штатный «МС» и еще много всякой мелочи, которая удобно размещалась на кнопках и подвесках брони, делая ее совершенно неподъемной.

После того как рота с горем пополам была полностью обмундирована, сержант Поджерс поставил задачу:

– Сейчас мы идем на тренировочную площадку, где вам представится возможность почувствовать то, что чувствует настоящий солдат, идя в атаку на вооруженного врага. А то, сдается мне, многие из вас представляют службу как сплошной приключенческий боевик, где через каждые четверть часа главный герой трахает сисястую девицу... А теперь – направо, шагом марш...

Ник помнил, как тяжело им было идти, впервые почувствовав нагрузку настоящего «корсара». Он тогда здорово засомневался, по силам ли ему стать полноценным командос.

Рядом шагали более рослые и подготовленные парни, но и они прилагали усилия, чтобы не свалиться прямо на дороге.

Словом, все говорило за то, чтобы подать рапорт, однако обращение и тон сержанта Поджерса глубоко задевали Ника. Ему было неприятно, что его заранее списали со счетов, пусть даже он был в роте самым низкорослым.

Когда курсанты наконец прибыли на учебную площадку, стало ясно, что им предстоит сделать.

Впереди, метрах в восьмидесяти, стояла пневматическая пушка, которая стреляла трех-сотграммовыми шарами из мягкого пластика. Ствол у пушки был довольно длинный, Ник прикинул, что и скорость снарядов должна быть немалой.

– Ваша задача, – прокричал Поджерс в мегафон, – добраться до отметки в пятьдесят метров! Хотя бы одному человеку! Теперь построились! Опустили забрали! Вперед марш!

Три шеренги, одна за другой, побежали вперед, если это можно было назвать бегом. А потом послышались частые хлопки, и курсанты стали разлетаться в стороны, как бильярдные шары, роняя оружие и стучаясь друг о друга.

Кто-то ударил Ника локтем в шлем, кто-то повалился ему под ноги, однако он пытался и изо всех сил старался продвинуться вперед, пока не получил в грудь такой удар, что увидел на фоне неба собственные ноги.

Последовало жесткое приземление, а в довершение удовольствия на него рухнул «МС».

Если бы не армированные доспехи, все окончилось бы печально, а так Ник лишь зашелся кашлем, однако нашел в себе силы подняться и снова двинуться вперед вместе с немногими еще державшимися на ногах курсантами.

Сержант Поджерс был беспощаден. Он мастерски владел пушкой и ухитрялся наносить по несколько ударов по каждой жертве, добивая ее уже во время падения. Если кому-то удавалось устоять после попадания в корпус, Поджерс легко вышибал ногу, и курсанты валились как подкошенные.

Совместными усилиями им удалось пройти только до отметки в тридцать метров. Продвинуться дальше уже не было сил. После пяти-шести попаданий совсем не хотелось подниматься с земли, и только несколько упрямцев, и среди них злой как черт Ник, продолжали подставлять себя под жестокий обстрел, хотя было очевидно, что и это ненадолго.

Когда Поджерс в очередной раз навел пушку на Ника, тот интуитивно присел, выставив перед собой тяжелый «МС». Пущенный снаряд угодил в шлем, но попадание было касательным, и Ник устоял на ногах. Поняв, что это единственно правильная поза, он стал передвигаться короткими шажками на полусогнутых.

Несколько точных попаданий в голени потрясли его, однако надежные доспехи защитили кости от перелома.

Сержант усилил подачу воздуха, теперь шары били в Ника с чудовищной силой, однако он только шипел от боли и не сдавался. Между тем и другие курсанты стали копировать его методику, так что сержанту пришлось отвлекаться и на них тоже.

Когда стало ясно, что рота, хотя и с потерями, но двигается к установленному рубежу, Поджерс выставил давление воздуха на максимум, и очередной попавший в шлем снаряд разлетелся на куски, а сам Ник почувствовал, что теряет сознание. Ему оставалось пройти каких-то пять метров, однако он понимал, что еще одного такого удара не выдержит.

Пушка сержанта Поджерса продолжала громко хлопать, но теперь снаряды летели куда-то еще и крики пораженных выстрелами доносились сзади.

Поняв, что это единственный шанс, Ник что было сил толкнул вперед тяжелый «МС» и прыгнул вслед за ним.

Вряд ли он оторвался от земли, однако рывок получился быстрый. Поджерс с опозданием разбил о Ника еще два шара, но тот уже приземлился за чертой в пятьдесят метров.

Следуя уговору, инструктор сразу прекратил стрельбу и вызвал по радиации врача. Оказалось, что некоторые из «упрямцев» получили травмы, когда открыто побежали вперед, отвлекая внимание от Ламберта. Именно поэтому сержанту пришлось вести огонь по всем мишеням, и вместе курсанты одолели его, несмотря на все его мастерство. Одолели, несмотря на тяжелые, отбивавшие внутренности удары.

После этого побоища курсанты до самого вечера занимались изучением теории и засыпали над учебниками, однако всевидящий Поджерс больно тыкал им в спины пальцем и интересовался, не хочет ли кто-то отдохнуть.

3

В оставшиеся до рапорта два дня инструктор в полной мере познакомил курсантов и с другими прелестями предстоящего обучения.

Сначала это был стенд, на котором отрабатывался жесткий контакт с атакуемым судном. При abordage такой подход здорово экономил время и наводил страх на вражеский экипаж. Однако дело было не только в прочности abordажного рейдера, но и в способности самого десанта выдержать такой удар.

– Для начала кабина пойдет со скоростью три метра в секунду, – рассказывал сержант, прохаживаясь вдоль отделенных одна от другой ячеек кабины, в которых, упершись ногами в передние стенки, курсанты ожидали нового испытания.

– Эту скорость выдержит каждый, но потом вам не поздоровится, так и знайте...

Как и обещал сержант, при трех и даже при шести метрах удар выдержать удавалось. Оружие крепилось в надежных замках, и все свои усилия и внимание курсанты сосредоточивали на том, чтобы не достать головой до стены.

При девяти метрах это удалось почти всем, но при двенадцати метрах в секунду вся учебная рота дружно грохнулась лбами о передние стенки.

Снова и снова кабина съезжала по рельсам с горки и билась о заграждения, и скоро бессиленные курсанты уже не могли удержаться даже при шести метрах в секунду.

Довольный собой, Поджерс объявил об окончании занятий, но пообещал, что завтра будет еще хуже.

После отбоя, когда в казарме уже погасили свет, лежавший на втором ярусе курсант Теодор Шихт свесил голову и шепотом спросил Ника, будет ли тот писать рапорт.

– Еще не знаю, – так же тихо ответил Ник, который и в самом деле никак не мог прийти к определенному решению. То ему казалось, что сил сопротивляться сержанту Поджерсу больше нет, а то снова к сердцу подкатывала волна возмущения и желания доказать инструктору, как сильно тот заблуждается на его счет.

Прошла ночь и наступил новый день. Когда прихрамывающие курсанты, с трудом волоча тяжелые «МС», вышли на плац и построились в шеренгу, сержант Поджерс, не скрывая своей радости, объявил, что сегодня они узнают, что такое аварийное десантирование.

– На войне случается всякое, – говорил он, шагая вдоль закованных в броню курсантов. – Например, ваш корабль может получить повреждение, при котором посадка невозможна. Или, к примеру, такое может произойти по причинам секретности, когда десант высаживают в заросшую кустарником местность. Со стороны это выглядит так, будто судно прошло на брейющем и убралось восвояси, однако десант уже на земле и готов выполнять задачу... Надеюсь, всем ясно?

– Так точно, сэр! – дружно ответила рота.

– Вот и отлично. Кстати, – Поджерс достал желтый платок и вытер лицо, – сегодня солнышко крепко пригревает, так что те, кто не выносит жары, могут уже сейчас пойти и написать рапорт, не дожидаясь завтрашнего дня... Никаких наказаний не последует, будьте уверены.

Рота замерла и, казалось, вовсе перестала дышать. Затем вперед шагнул один человек. Потом другой, третий...

Люди выходили и выходили, а Ник Ламберт стоял не двигаясь. Он считал, что у него еще есть время для выбора.

– Отлично, ребята! – оглядывая два десятка сдавшихся, произнес Поджерс. – Можете снять шлемы и вразвалочку отправляться на склад. Сдайте эти железяки и отдыхайте до самого ужина. Вы теперь практически гражданские люди.

Оставшиеся на плацу курсанты проводили своих уже бывших коллег долгими взглядами. Некоторые пожалели, что постеснялись выйти сейчас и обрекли себя еще на целый день мучений.

– Итак, несчастные, – бодро произнес Поджерс, – пришла пора разделаться с вами окончательно. Я буду не я, если половина из вас уже сегодня не окажется в госпитале. Нале-во! Шагом марш! Ноги поднимать, не шаркать! Вы же без пяти минут кадеты!

4

Новая площадка представляла собой платформу, похожую на станцию монорельса, только вместо вагона на рельсе висела средняя часть от устаревшего десантного судна «альбатрос». Артиллерийские башни на нем отсутствовали, и тренировочная камера больше походила на старую бочку.

Стараясь не застрять в узких коридорах, курсанты вошли в десантный отсек и расселись вдоль стен на узких скамьях. А верный своей манере сержант Поджерс прогуливался по проходу, постукивая подкованными военными башмаками.

– Как вам уже было рассказано на теоретических занятиях, прыгать нужно лицом по ходу корабля. Оружие держать так. – Поджерс взял «МС» у одного из курсантов и показал. – Вот так вы и будете его держать, чтобы вращение вашего тела при ударе о поверхность происходило вокруг оси, проходящей через ствол. Всем понятно? Тупых нет? – Курсанты промолчали. – Ну и отлично.

Поджерс вернул «МС» его владельцу, подошел к небольшому пульту управления и щелкнул тумблером. В полу отсека распахнулись створки.

Сержант нажал следующую кнопку, и десантная камера тронулась с места. Поначалу ее колесики только тихо поскрипывали и неспешно постукивали на стыках, но затем движение ускорилось, и через распахнутое десантное отверстие в кабину ворвался ветер.

Внизу проносились редкие кусты, огромные лужи и утрамбованные глинистые площадки.

«Неужели он заставит нас прыгать на такой скорости? – ужаснулся Ник. – Это же верная смерть!»

Однако скоро кабина чуть замедлила движение, и прозвучал громкий голос Поджерса:

– Забрала опустить! Встать и построиться перед десантными воротами!

Курсанты тотчас поднялись и образовали очередь. Ник стоял двенадцатым.

– Не забываете группироваться перед ударом о землю! Вспомните теоретические занятия! – со злой усмешкой прокричал Поджерс. – Первый пошел!

– Нет, сэр! Я не могу! – закричал стоявший первым курсант, детина двухметрового роста. Он поднял забрало, и Ник увидел его перекошенное от страха лицо.

– Я не возражаю, приятель, – голосом доброго людоеда произнес Поджерс. – Можешь сесть на скамеечку. Кто-нибудь еще желает избавиться себя от увечий?

Из очереди вышли двое, и сержант указал им на скамью.

– Это все? – спросил он еще раз. – Ну ладно. Следующий – вперед!

Из-за шума ветра Нику показалось, будто прыгнувший в десантные ворота курсант отчаянно закричал.

Впрочем, никто уже не останавливался, люди один за другим исчезали в распахнутом люке.

Настала очередь Ника, и он, задержав дыхание, шагнул в пустоту.

Высота была небольшая – каких-то три метра, однако Нику показалось, будто он летел очень долго. В последний момент ему удалось правильно сгруппироваться, но попавший на пути куст хлестнул его по ногам, и приземление получилось не таким гладким.

Последовал удар, и Ник завертелся вокруг тяжелого «МС», похожий на сорвавшийся со станка точильный круг. Два, три, четыре оборота – и очередной куст остановил его полет.

Спружинившие ветви оттолкнули Ника обратно, и он повалился на спину, не выпуская оружия.

Жужжание удалявшейся тренировочной кабины становилось все тише, а в небе плыли облака и летали птицы.

«Ну, кажется, я жив», – сказал себе Ник, и это было правдой.

5

С тех пор прошло меньше года, но Нику Ламберту казалось, будто это было очень давно. Теперь он и думал по-другому, и смотрел на мир совсем иначе, и даже прежде неподъемный «МС» казался ему довольно удобной машинкой.

У Ника появились друзья, и в учебном центре Форт-Дикс, что в ста километрах от города Принсберга, он стал чувствовать себя как дома.

Иногда удавалось вырваться на несколько часов в город, чаще в выходные и не более чем на полдня. В такие дни сержант Поджерс лично сопровождал курсантов и первым приходил к вертолетной площадке, чтобы увидеть, кто и на сколько опоздал.

Что можно было успеть за такое короткое время? Пить строго воспрещалось – сержант обладал прямо-таки собачьим нюхом, да и жизненный опыт у него был побольше, поэтому никакие фокусы с ним не проходили.

Оставалось только проехать небольшие курсантские деньги в кафе или идти в кино. Для частичной разрядки этого вполне хватало. Тем более Нику, для которого все было внове.

Ни один из его друзей и не догадывался, что он не примар и прибыл сюда издалека. По легенде, составленной для Ника агентами СИБ, курсант Ламберт был уроженцем Хиллапа, аграрной планеты, находящейся далеко в глубине Примарских Миров. К счастью, этим никто не интересовался, и Ник на правах фермерского сынка с интересом рассматривал совершенно незнакомые, немыслимой архитектуры здания. Он много слышал о строениях двойного назначения, однако город Принсберг вообще целиком был построен как бесконечное количество оборонительных рубежей, помещавшихся один в другом.

Частные автомобили на его улицах все без исключения были выкрашены в неброские цвета, и даже в самых миниатюрных из них угадывались затаившиеся внедорожники.

Ник был готов бродить по городу долгими часами, просто глядя по сторонам и удивляясь, однако на вертолетной площадке его ждал сержант Поджерс, а приятель Ника – Дино Фронтер постоянно навязывался ему в спутники. Дело в том, что всякий раз, когда Фронтеру удавалось познакомиться с девушкой, та непременно оказывалась с подружкой, с которой не желала расставаться.

Если везло, курсанты получали короткие ласки, а потом бежали обратно, чтобы попасть под колючий взгляд прищуренных глаз Поджерса.

«Что такое, Фронтер, ты пользуешься женскими духами?»

«Что вы, сэр, на меня их случайно пролили в магазине».

Теперь сержант Поджерс больше не казался курсантам таким свирепым, как поначалу. Ко всем, кто остался и не стал писать рапорта, он относился с уважением.

Однажды днем, когда взмыленные курсанты возвращались с абордажного тренинга, сержант Поджерс неожиданно окликнул Ника:

– Ламберт!

Тот резко развернулся, чтобы подбежать к начальнику, но Поджерс остановил его жестом:

– Все в порядке, курсант. Просто зайдите ко мне после обеда.

– Есть, сэр.

– Чего он к тебе привязался? – спросил Джонни Бигфут, когда Ник вернулся в строй.

– Не знаю, – ответил тот. – Может, нашел в моей тумбочке фотографию той красотки?

– Так ты ее в тумбочке держишь? – удивился Бигфут.

– Ну, не совсем. Я ее к полке приклеил с нижней стороны.

Они замолчали и прибавили шагу. Сегодня возвращаться с тренинга было легко. Вместо штатного «МС» курсанты были вооружены штурмовым автоматом «спайдер», который весил

вчетверо меньше. Впрочем, и он становился неподъемным, когда захват судна отрабатывали по двести раз за тренинг.

«Это же совсем немного! – с наигранным удивлением говорил сержант Поджерс. – Всего по две попытки с каждым типом корабля!»

Правда, он не упоминал о том, что таких типов была целая сотня. Их макеты попеременно попадались на пути кабины, игравшей роль абордажного рейдера, и курсанты, врываясь на «вражеский борт», должны были с ходу рассредоточиться по всем жизненно важным точкам судна, а для этого им требовалось точно определить его тип.

Все нормативы отсчитывались секундами, и случалось, что вместо рубки курсанты по ошибке попадали в галюны.

– Я слышал, как тебя вчера хвалили на имитаторах, – сказал вдруг Бигфут.

– Кто хвалил?

– Инженер-инструктор Ковальский.

– И что же он говорил? – осторожно спросил Ник.

– Сказал Поджерсу, что ты настоящий авиатор. Говорит, таким одаренным, как ты, нужно учиться на пилота.

– С чего это он взял?

– Ну, ты сколько очков набрал на имитаторе?

– Сто двадцать...

– А я и все наши не больше сорока, – радостно сообщил Бигфут, и Ник решил, что впредь ему нужно вести себя осмотрительнее.

Однако и задача, на его взгляд, была не такой уж и сложной – провести точку по заданному маршруту. Каждые две минуты все плоскости переворачивались, и нужно было заново определять, где теперь верх-низ и право-лево. Для пилота дело обычное – Ник работал не задумываясь, а оказывается, это сложно, если не учиться ориентировке специально.

«Нужно быть осторожнее», – еще раз напомнил он себе и перевел разговор на другое.

6

Разговор в кабинете Поджерса был коротким. Оказалось, что после обеда следовало отправиться в город.

– Большой Брат распорядился, чтобы тебя доставили к ним, – сообщил сержант. Ник понятливо кивнул. Большим Братом в форте называли СИБ. – Само собой, не болтай среди курсантов лишнего, а то на тебя и так обращают слишком много внимания.

– Кто, сэр? – удивился Ник.

– Местная служба безопасности. Они поначалу не знали, что у тебя друзья у Большого Брата, и подозревали в тебе шпиона...

– Теперь все в порядке?

– Теперь все в порядке, – кивнул Поджерс. Он немного помолчал. – Ты действительно военный летчик?

Ник посмотрел в глаза сержанту и решил, что врать ему не обязательно.

– Да, сэр.

– Я это понял на имитаторах. Когда тестировали обучающую аппаратуру, к нам приезжали два пилота, которые на ней работали. Я при этом присутствовал. Ты вчера выделял те же фокусы и с теми же результатами... Я бы, конечно, мог удивиться, но раз тут замешан Большой Брат, удивляться нечему. – Сержант посмотрел на наручные часы и добавил: – Через двадцать минут будь у вертолета. А теперь свободен.

Щелкнув каблуками, Ник вышел из кабинета Поджерса и тотчас столкнулся с Джонни Бигфутом и Дино Фронтером.

– О, живой! – сказал Бигфут. – А мы пришли принять твой хладный труп.

– А-а! – Ник махнул рукой. – По другому поводу вызывал. В город лететь надо.

– В город? – удивились друзья. – Зачем?

– Сержант не говорит. Но я так понял, что-то там по медицинским показаниям... Ну, на крайний случай, нашли неблагонадежных родственников...

– Ничего себе! Так ты можешь и не вернуться?

– Не думаю. Скорее всего какой-то пустяк, недоразумение.

Наскоро попрощавшись с приятелями, Ник переоделся и успел на вертолетную площадку как раз вовремя.

Кроме него и сержанта Поджерса, в салоне вертолета никого не было. Это слегка удивило Ника, ведь обычно с оказией в город отправлялось несколько постоянных обитателей Форт-Дикса, от инструкторов и до служащих медчасти.

В полете молчали. Поджерс равнодушно смотрел в окно, а Ник дремал с открытыми глазами. Еще с летного училища он имел такой необходимый солдатский навык – если выдавалось хоть несколько свободных минут, он без труда отключался.

Внизу промелькнули холмы, потом лесной массив и потянулась долина, в которой располагался город. Когда вертолет качнулся и стал снижаться, Ник сразу пришел в себя. Он сладко потянулся и подумал: «Слишком быстро».

7

Полувоенный джип стоял на краю посадочной площадки, ожидая своих пассажиров.

Подойдя к нему поближе, сержант взглянул на номер и кивнул:

– Это наш транспорт.

Поджерс смело распахнул дверцу и приказал Нику лезть первым, потом забрался сам.

Сидевший за рулем шофер ничего не сказал. Он молча завел мотор, и машина тронулась с места. Не останавливаясь, она проехала через шлагбаум мимо козырнувшего часового и помчалась по шоссе.

Ник посмотрел на сержанта. Тот снова пялился в окно, однако Ник был уверен, что инструктор о чем-то напряженно размышляет. Пару раз он угрюмо покосился на стриженный затылок водителя и снова уставился в окно.

Скоро они выехали на заполненные транспортом уличные магистрали. Джип смело вклинился в автомобильный поток и через каждые двести метров подпрыгивал на потайных воротах, из которых, в случае обороны, посреди дороги выдвигались противотанковые заграждения.

Справа промелькнул наблюдательный пункт дорожной полиции. Если бы не яркая предупреждающая раскраска, его бетонный купол можно было бы принять за долговременную огневую точку.

Прохожие, которых на улице было довольно много, на треть состояли из военных. Планета Басильер уже не находилась в глубоком тылу, как это было еще совсем недавно. Офицеры в разговорах друг с другом – к ним Ник внимательно прислушивался – частенько замечали, что года через три придется переносить учебный центр подальше в тыл, поскольку здесь к тому времени могут оказаться урайцы.

Наконец джип притормозил и свернул на другую улицу. Сначала она шла в гору, а затем покатила под уклон. Ник определил, что они снова едут на окраину.

Машина сделала еще несколько резких поворотов, и у Ника возникло подозрение, что их с Поджерсом хотят таким образом запутать. Наконец джип остановился в узком дворике.

– Ну, вот мы и приехали, господа, – впервые за все время произнес шофер и вышел из машины. Ник и Поджерс тоже выбрались наружу и огляделись.

От подъезда заброшенного здания к ним шагнул человек в штатском. Его глаза были спрятаны за темными очками, а губы растянуты в приветливой улыбке.

– Полковник Бишоп ждет вас, курсант Ламберт.

Поджерс сделал движение, чтобы последовать за Ником, но незнакомец остановил его:

– Подождите здесь, сержант.

– Да, конечно, сэр, – с готовностью согласился тот и, поправив берет, стал прогуливаться по дворику.

Человек в черных очках с минуту наблюдал за ним, потом тоже скрылся в подъезде.

– Погода дрянь, – сказал Поджерс, поглядывая на небо поверх крыш. – И так целую неделю.

– Да-а, – протянул стоявший возле машины шофер, настороженно следя за каждым движением сержанта. На поясе «корсара» висела кобура со штурмовым пистолетом «FGS», короткоствольным уродом с четырьмя двадцатимиллиметровыми зарядами в раздутом магазине.

«Страшные люди», – подумал водитель, сжимая в кармане рукоять своего пистолета.

– В прошлом году отправился с подружкой на море, – продолжал Поджерс, – так не успел я разок отлучиться, как ее перехватил какой-то летчик...

– И чего ты ему за это сделал? – полюбопытствовал шофер.

– А чего я ему сделаю? – пожал сержант плечами. – У него погоны майорские, а я только сержант.

Поджерс усмехнулся. Шофер тоже усмехнулся в ответ и тотчас свинцовый кулак припечатал эту усмешку к его лицу. Удар был такой силы, что можно было перелететь через весь двор, однако шофер врезался в джип и кулем свалился на землю.

Сержант моментально оказался с ним рядом и, обыскав карманы, достал оружие. Оказалось, что патрон был уже дослан в ствол, а, стало быть, подозрения Поджерса были небезосновательны.

Еще раз оглядевшись, сержант обогнул машину и поспешил в подъезд. У него еще был шанс успеть вовремя.

8

Сержант Поджерс и человек в темных очках остались снаружи, а Ник поднялся по лестнице и очутился в длинном коридоре, где его ожидали еще двое сотрудников. Сдержанно улыбувшись Нику, они молча указали ему на одну из дверей.

Толкнув ее, Ник оказался в обычном человеческом жилище, довольно запущенном. На стенах были старые обои, на узких окнах-бойницах выцветшие пыльные занавески, в воздухе держался устойчивый запах отсыревшей штукатурки.

– Это всего лишь явочная квартира, – заметил сидевший у стола человек. Он поднялся и, подойдя к Нику, пожал ему руку.

– Добро пожаловать, Ник Ламберт. Я полковник Бишоп. Присаживайтесь. – И Бишоп царственным жестом указал на покосившийся стул.

– Почему мы встретились здесь, сэр, а не в вашем бюро, как обычно?

– Ситуация изменилась, – драматическим тоном произнес полковник. – Линия фронта неудержимо приближается, и вражеские агенты буквально стригут нам холку... или, я бы сказал, наступают на пятки... Позавчера на материке Белиз была взорвана электростанция... Курите?

– Нет, спасибо, – отказался Ник.

– А я закурю.

С этими словами полковник достал портсигар, нажал на нем потайную кнопку, из серебряной коробочки выскочила сигарета, которую Бишоп ловко поймал зубами.

Было видно, что полковник гордится этим номером. Он хитро подмигнул Нику и неожиданно предложил:

– Хотите научу?

– Я же не курю.

– Ах, ну да, конечно.

Бишоп нажал другую кнопку, и из портсигара показался язычок пламени. Полковник прикурил и выпустил в воздух облако синеватого дыма.

– Итак, мистер Ламберт, поскольку вы являетесь носителем чрезвычайно важной информации, мы решили вас временно спрятать.

– Спрятать, сэр? – удивился Ник. – Но в Форт-Диксе я спрятан лучше, чем где-нибудь еще. И потом, вся информация, которой я располагаю, давно известна урайцам.

– Так-таки вся?

– Ну конечно. Они прекрасно знают, откуда меня доставили, что со мной происходило. Так что не осталось ничего, что бы знал я, но не знали они...

– А мышки? – быстро спросил Бишоп и даже подался вперед, чтобы наблюдать реакцию.

– А что мышки? Я ведь уже докладывал, что это была всего лишь шутка, совпавшая с ожиданиями урайцев. Я вообще не был уверен, что кто-то на это клюнет.

– Да-да, конечно, – поспешно согласился Бишоп и, затушив сигарету об стол, добавил: – И все-таки долго оставаться здесь опасно, поэтому мы немедленно уходим... Серж!

Дверцы старого шкафа распахнулись, и оттуда шагнул широкоплечий детина с пистолетом-пулеметом в руке. Слишком округлая форма грудной клетки говорила о том, что под пиджаком у него спрятана кираса.

– Ну все, разговоры окончены, – объявил Бишоп и поднялся. – Вставайте, Ник, у нас очень мало времени.

– Значит, вы не из СИБ? – догадался Ник.

– Это не имеет значения. В наши планы не входит причинять вам какой-либо вред, если вы сами нас на это не спровоцируете. Оружие есть?

– Курсантам оружие не положено, – ответил Ник, поднимаясь со стула и лихорадочно соображая, что ему делать. Он мог допрыгнуть до Бишоп, однако это не решало проблемы, поскольку Серж смотрел на него не мигая и держал пистолет-пулемет очень уверенно.

– Ну так что, будете вести себя хорошо?

– А что мне остается. Руки поднимать?

– Ладно, не нужно, – смиростивился Бишоп. – Судя по всему, вы мальчонка сговорчивый... Он достал из кармана переговорное устройство: – Лайнел, убирайте сержанта...

– Есть, сэр.

Заметив на лице Ламберта гримасу, Бишоп довольно засмеялся:

– Не стоит так переживать, мой друг. Все «корсары» погибают, рано или поздно. Но по мне, так лучше, чтобы пораньше...

– Сэр! Его нигде нет! – неожиданно сообщил Лайнел.

– Как нет?!

– Чивас лежит возле машины, а сержанта нигде нет.

– Найдите его, Лайнел! Найдите во что бы то ни стало! Возьмите всех людей, он не мог далеко уйти. Вы поняли? Вы поняли меня, Лайнел?! – повторил Бишоп, но ему уже никто не ответил.

– Та-а-ак, – протянул полковник, доставая личное оружие. – Кажется, старина Поджерс уже где-то здесь.

В подтверждение его слов в коридоре послышались выстрелы. Сначала несколько автоматных очередей, затем одиночные пистолетные. Потом все смолкло.

– Внимание, Серж, – произнес полковник и, прикрываясь Ником как живым щитом, поставил ему к груди пистолет. – Не вздумай шевелиться, парень, – предупредил он.

Ник стоял спиной к двери, гадая, как поступит Поджерс. В том, что сержант жив, он не сомневался. Наконец последовал сильный удар в дверь и влетевший в комнату человек напорлся на длинную очередь в упор. Пули отшвырнули тело к стене, но Ник заметил, что это один из людей Бишоп.

Из дверного проема прозвучал выстрел, и Серж, взмахнув руками, отлетел к окну, а Ник, не теряя времени, вышиб из рук полковника пистолет. Бишоп отпрыгнул назад и заверещал:

– Джако-о-об!!!

Затем он выхватил тонкий нож и сделал стремительный выпад, однако Ник успел отпрыгнуть и не получил даже легкого укола.

Поджерс выстрелил снова, и с Бишопом было покончено.

– Там! – Ник указал на шкаф, и сержант махнул ему рукой, приказывая уходить. Однако не успел Ламберт сделать и шага, как створки шкафа снова распахнулись и оттуда выскочил тяжеловооруженный пехотинец.

Поджерс с ходу открыл по нему огонь, целясь в шлем, чтобы потрясти противника, а Ник как замороженный смотрел на автомат чужака, ожидая, что тот вот-вот полыхнет ответным огнем.

Поджерс стрелял очень быстро и скоро извел все патроны. Повисла страшная пауза. Ник беспомощно смотрел, как поднимается автоматный ствол, чтобы в следующую секунду перерезать их с Поджерсом пополам, однако сержант снова оказался быстрее. Из его руки полыхнул факел пламени, и кираса автоматчика раскололась от страшного удара. Внутреннее давление сорвало с него щитки и шлем, а сам он врезался в стену возле окна.

И тотчас воцарилась тишина, которую не нарушали ни Ник, ни Поджерс. Они тревожно прислушивались к окружающим их звукам, справедливо полагая, что из шкафа, к которому наверняка вел потайной ход, может появиться кто-то еще.

– Кажется, все, – произнес наконец сержант. Он убрал в кобуру грозный «FGS», подул на пальцы и стал разминать кисть. – Давно не стрелял с этой штуки – руку отсушил.

Нагнувшись, он поднял с пола оброненный Сержем пистолет-пулемет, а Нику указал на пистолет Бишопы.

– Эй, да ты ранен, – заметил сержант. Ник посмотрел, куда указывал Поджерс, и заметил у себя на бедре несколько кровоточащих ранок.

– Это осколки от кирасы, – пояснил сержант. – Я рисковал, стреляя из этой штуки, но иначе этот парень разделал бы нас на месте.

9

С улицы доносились частые выстрелы, и Поджерс с Ником решили не выходить, пока все не утрясется.

– Вот это настоящее СИБ, – прислушиваясь к автоматным очередям, пояснил Поджерс.

– А кто же эти люди? – указав на разбросанные по комнате тела, спросил Ник.

– Агенты урайцев. Здесь, в Принсберге, их хватает.

Вскоре стрельба прекратилась, и в коридоре загремели тяжелые шаги. Они быстро приближались. В комнату ворвались сотрудники имперской безопасности.

Ник сразу опознал среди них майора Фонтена.

– Ты живой, Ник?! – воскликнул тот. – Я думал, мы не успеем.

– Сержант Поджерс выручил меня, сэр.

– Спасибо, сержант. Вы вовремя их раскусили.

– В этом шкафу, сэр, что-то вроде потайного хода, – сообщил Поджерс, махнув трофейным оружием в сторону шкафа.

– Сейчас проверим. Юхансон! – позвал майор одного из сотрудников, осматривавших комнату и тела урайских агентов. – В этом шкафу потайной ход. Будьте внимательны. А вы, – обратился он к сержанту и Нику, – выходите во двор. Лепски вас проводит. Лепски!

– Понял, сэр, – отозвался сотрудник невысокого роста в великоватом для него синем бронежилете с надписью «СИБ».

Вслед за Лепски Ник с сержантом вышли в коридор, где уже сновали другие сотрудники безопасности, проверяя помещения и этажи.

Как только Ник и Поджерс удалились, Фонтен со своими людьми начал проверять потайной ход. Видимо, на кого-то они наткнулись, потому что послышались частые выстрелы, а затем в глубине потайного лаза грохнула граната.

– Как вы нас нашли? – на ходу спросил у Лепски Поджерс.

– Это место уже было у нас под наблюдением, – важно пояснил тот. – А когда узнали, что кто-то прорвался на секретную частоту, сразу сыграли тревогу.

– Кто же сумел взломать коды связи? – удивился сержант.

– Майор Бишоп, – со вздохом ответил Лепски. – Раньше он служил в одном из подразделений СИБ.

Выйдя во двор, Ник и Поджерс подивились тому, какую активную деятельность развили там спецслужбы. Вооруженные люди вскрывали канализационные колодцы, лазили по крышам и выглядывали едва ли не из каждого окна.

Тут же на мостовой раскладывали тела убитых урайских агентов, которых набралось не меньше полутора десятков. Еще несколько человек были взяты в плен.

Заметив на ноге Ламберта кровь, к нему подошел врач.

– Пойдемте со мной, вам нужно сделать перевязку, – сказал он, указав на фургон «Скорой помощи».

Ник повиновался. Уже внутри миниатюрного приемного помещения врач вспорол Нику штанину и обработал раны. Затем просветил ткани ноги специальным прибором.

– Вам повезло, – сказал он через пару минут. – Осколки совсем маленькие и сидят неглубоко, иначе бы вы уже и ходить не могли. Сейчас я сделаю вам укол, а потом походите на инъекции у себя в Форт-Диксе. Вы ведь, кажется, оттуда?

– Так точно, сэр.

– Ну вот, походите на уколы, и осколки растворятся полностью.

– Спасибо, сэр.

– Пожалуйста.

После перевязки Нику для скрепления разрезанных брюк выдали несколько медицинских резинок, так что он выглядел довольно смешно.

– Ерунда, – заметив его смущение, улыбнулся Поджерс. – Главное – сам цел, а штаны мы тебе новые подыщем.

Наконец из здания вышел майор Фонтен. Его костюм и бронежилет были перепачканы известкой, на правой щеке виднелась кровь, которую он вытирал платком. Он остановил жестом врача, шагнувшего ему навстречу:

– Все в порядке, Вилмар. К счастью, это не моя кровь...

Швырнув испорченный платок себе под ноги, Фонтен устало убрал пистолет в наплечную кобуру и вздохнул.

– Плохо, что все так получилось. Мы знали, что они попытаются сделать что-то подобное, но кто же думал, что у них на крючке Бишоп. – Кстати, сержант, а чем это вы так мастерски раскололи тяжелого пехотинца? Это похоже на работу противотанкового ружья.

– А вот. – Поджерс вытащил «FGS» и показал его Фонтену.

– О-о, да это просто карманная гаубица! – Майор взял оружие и взвесил на руке. – А самому стрелку она пальцы не ломает?

– Бывало раньше и такое, сэр, – признался Поджерс. – Но теперь эти штуки уже сняли с вооружения. Все пользуются удобными фаеркопами, а старое оружие никому не нужно.

Ник внимательно слушал, о чем говорил сержант. Что такое фаеркоп, он уже знал. Это как раз и были те самые стреляющие трубки, которые он когда-то видел при штурме его грузового судна. Тогда лейтенант ураец сбил из такой штуки робота и тотчас сам был уничтожен выстрелом из подобного оружия.

«Как давно это было, – подумал Ник. – И будто вовсе не со мной». Прошло время, и он действительно стал чувствовать себя совершенно другим человеком. Неполный год в стенах Форт-Дикса заставил Ника словно бы отстроить себя заново.

– Ну, ладно. Хорошо, что нам повезло и все обошлось.

Фонтен вернул сержанту «FGS» со словами:

– Вас сейчас же отвезут к вертолету, а Ника мы пока заберем с собой и доставим в форт чуть позже.

– Как скажете, сэр.

– Ну, тогда поехали.

10

Беседа в бюро СИБ длилась недолго. Ничего нового там не спрашивали. Только чуть больше акцентировали внимание на личности свободного агента Колина Дзефирелли.

Ник снова вкратце повторил рассказ о том, как Дзефирелли спас его, а потом потерял в результате акции урайских наемников.

Беседовавший с Ником сотрудник по фамилии Кукис согласно кивал головой и поправлял его, если он слегка ошибался. Из чего Ник сделал вывод, что в СИБ знают о его мире значительно больше, чем он им рассказывал. Следовательно, не извещая Ламберта о своих попытках, имперская безопасность уже проникала на неизведанную территорию.

– Ну, вот и все, курсант Ламберт. Вы свободны, – сказал сотрудник Кукис. – Можете спуститься на первый этаж и подождать в холле. Там есть отличное кафе. Если не заказывать спиртное, то все бесплатно.

– Это хорошо, – согласился Ник, но тут его взгляд упал на испорченную штанину форменных брюк – перепачканную кровью и распоротую ножом.

– Об этом не переживайте. – Кукис поднялся со стула и, толкнув смежную дверь, крикнул: – Джо!

Невидимый Нику человек заскрипел дверцами шкафа, и на руки Кукиса легла пара новых брюк, почти ничем не отличавшихся от форменных курсантских.

– Поверьте, Ник, достать брюки для имперской безопасности не проблема, – произнес Кукис, передавая Нику обновку.

– Спасибо, сэр, – сразу повеселел Ник и спустя пять минут, слегка прихрамывая, спустился в холл, где действительно обнаружил обещанное Кукисом кафе.

За невысокой стойкой находилась суховатая дама лет пятидесяти в белой блузке и с черным шнурком вместо галстука. Она могла быть кем угодно – секретарем, архивистом, сотрудником отдела кадров, только вот за стойкой выглядела совершенно неуместно.

– Здесь действительно все бесплатно? – недоверчиво спросил ее Ник.

Дама смерила его холодным взглядом и словно нехотя ответила:

– Да, молодой человек, разумеется, если вы не решите заказать алкоголь.

– Нет, алкоголь не нужно. – Ник отрицательно покачал головой. – Мне кофе, пожалуйста. Кофе и... два пирожных. Нет, лучше три...

Странная барменша замерла на месте, не спуская с Ника глаз, и он в замешательстве повторил: – Кофе и три пирожных...

– Я поняла, – ответила дама. – Присядьте, я подам вам за столик.

– А, хорошо. Большое спасибо. – Ник посмотрел вокруг, выбирая место, благо, кроме него, в кафе был только один посетитель.

Спустя минуту заказ оказался перед ним, и хозяйка кафе пожелала ему «приятного аппетита». Впрочем, ни ее внешность, ни скрипучий голос аппетиту не способствовали.

Кофе был очень горяч, его аромат стрелял в ноздри, а пирожные оказались очень маленькими, и Ник подумал, удобно ли будет взять еще.

Между тем в холл спустился еще один человек, который подошел к стойке и сделал свой заказ. Когда он повернулся, Ник чуть не подавился. Вне всякого сомнения, он видел перед собой настоящего серолицего урайца, который преспокойно взял несколько булочек и пошел прочь.

Ник был так поражен этим обстоятельством, что почти закричал, повернувшись к сидевшему в стороне посетителю:

– Эй, приятель, это же был ураец! – «Приятель» обернулся, и Ник увидел капитанские нашивки. К тому же капитан оказался женщиной.

– О, прошу прощения, мэ... – стушевался Ник и даже поднялся со стула.

– Все в порядке, курсант. – Капитан улыбнулась и, прихватив свою рюмку и початую бутылочку коньяка, перебралась за стол Ника.

– Да садитесь же, «корсар», – произнесла она с усмешкой.

– Я еще не «корсар», мэ.

– Значит, будешь им.

Капитан налила себе полстопки и выпила коньяк одним глотком.

– Сьюзен Ли Эббот, – представилась она, вертя в руках рюмку. – Выпить хочешь?

– Мне не положено, мэ. Сержант мне этого не простит.

– Сержант Поджерс?

– Так точно, мэ. Вы его знаете?

– Ну кто же в Форт-Диксе не знает старину Поджерса?

– Так вы тоже с форта? – удивился Ник.

– С форта, только из зоны «С». – Капитан Эббот улыбнулась Нику, и только сейчас он заметил, что она довольно привлекательна, и если бы пользовалась косметикой, то выглядела бы настоящей красоткой.

– Честно говоря, о зоне «С» я ничего не знаю. Знаю только, что в «В» тренируются «корсары»...

– Ты еще много чего не знаешь.

– Кстати, мэ...

– Зови меня Сью, приятель. Я ненамного старше тебя, и потом, я же женщина... – Капитан Эббот произнесла это с какой-то непонятной горечью. – Нет, правда, если бы ты был моим непосредственным подчиненным, это одно, а так ведь мы с тобой совершенно не пересекаемся... – Эббот глубоко вздохнула и налила себе еще коньяку. – Извини, я, кажется, тебя перебила, – сказала она и снова выпила.

– А... ну да, – не сразу вспомнил Ник. – Я тут увидел урайца и даже глазам не поверил. Это что, настоящий ураец в бюро СИБ?

– Чему же тут удивляться? В зоне «D», да-да, не удивляйся, есть и такая, так вот, там целые подразделения из этих сереньких милашек... Грызут гранит военной науки, чтобы при случае вспороть брюхо своим бывшим соотечественникам... Я видела, как они дерутся, парень. – Капитан Эббот снова вздохнула. – Пленных не берут, сволочи.

– Почему это?

– Почему? – переспросила Эббот и неожиданно перевела разговор на другое: – Тебя, кстати, как зовут?

– Ник Ламберт, мэ.

– Зови меня Сью, Ник.

– Хорошо, Сью.

Капитан Эббот налила себе еще рюмку, и ее бутылочка с коньяком опустела.

Выпив остатки, Сью выдохнула пары в лицо Нику и сказала:

– А ни хрена я не знаю, чего не поделили эти оловянные братишки. Одни хотят жить с янычарами навечно, другие против этого. Вот они и воюют со своими, поскольку мы обещали им отдельное проживание...

Капитан Эббот замолчала и, словно не замечая Ника, уставилась в стол, а точнее, в его кофейную чашку. Ник понимал, что кофе остывает и нужно его скорее допивать, но просто так схватить чашку, в которую смотрит старший по званию, он не мог.

– Ладно, Ник, допивай свой кофе и дожевывай пирожки, а то все остынет, – словно прочитав мысли Ламберта, сказала капитан.

– Спасибо, Сью.

Допив кофе и съев пирожные, Ник повертел головой, но его сопровождающие все не появлялись.

– Еще сладкого, Ник? – слегка заплетающимся языком спросила Эббот.

– Было бы неплохо, – согласился Ник.

– Агнесса! – обернувшись, позвала Сью. – Повтори парнишке сладенького.

– Хорошо, мисс Эббот, – ответила та, как показалось Нику, более доброжелательным тоном, чем разговаривала с ним.

– А ты знаешь, Ник, почему я пью? – неожиданно спросила Сью и шмыгнула носом.

– Нет, – честно ответил тот.

– Эх ты! – Она покачала головой. – Потому что моей подружки Лиззи больше нет с нами...

– Она погибла в бою? – попытался угадать Ник, который заметил на мундире Сью множество орденских планок.

– О-о, если бы... – Капитан Эббот достала платок и высморкалась. – Я убила ее, Ник, собственными руками.

– Но почему? – опешил Ник.

– Потому что она... она работала на урайцев. Мне об этом сообщили люди из бюро, просили, чтобы я за ней понаблюдала. А как я могу понаблюдать, если мы с ней уже два года вместе... Сколько раз я ее спасала, сколько раз она выручала меня. Мы друг для друга, Ник, были всем, понимаешь? Я так никого в жизни не любила... А тут такое...

Эббот снова замолчала. Молчал и Ник. Он не мог спокойно жевать пирожные, когда человек рассказывает ему о такой драме.

– Что ее ожидало здесь, у местных костоломов, я знала, – снова заговорила Сью. – И я не хотела, чтобы они хотя бы пальцем дотронулись до моей Лиззи. Поэтому я достала видеокамеру и заставила ее говорить, рассказать обо всем без утайки... – Видимо, стараясь совладать со своими чувствами, Эббот помолчала, потом обернулась к стойке: – Агнесса, дай еще выпить!

– Больше не положено, мисс Эббот, вы же знаете, – ответила та.

– А, ну и хрен с тобой, мочалка старая... – Сью убрала в карман платок и грустно улыбнулась. – Так мы с ней и проговорили до самого рассвета. Когда же запись была сделана, я взяла пистолет и выстрелила ей в сердце... и теперь вот хожу в бюро, как на службу, объяснения даю. Если б не боевые заслуги, получила бы срок в тюрьме для военных преступников, а так только временное отстранение от службы. Ведь Лиззи была шпионкой, и ее убийство не является таким уж преступлением. Скорее это недоразумение... Ну ладно. – Было видно, что капитан Эббот взяла себя в руки. Она как-то вся подобралась и даже игриво сверкнула на Ника глазами. – Приходи ко мне в гости, Ник. Я выпишу тебе пропуск. Посторонним не положено, но я скажу Поджерсу, что ты мой любовник. Ты не против?

– Нет, Сью, говорите что вздумается.

Предъявив на входе свои документы, в холл вошел пехотинец.

– Мэм, – позвал он. – Мэм, ваша машина готова.

– Иду, Лестер.

Теперь голос капитана Эббот звучал твердо и уверенно. Она одернула мундир и, прощаясь, крепко пожала Нику руку.

11

Несколько дней в Форт-Диксе пролетели быстрой чередой. Тренировки становились все жестче, и курсанты понимали, что каждый новый этап в обучении приближает их к заветной цели – получению корсарского шеврона.

Ник Ламберт уже ничем не отличался от своих однокурсников, полностью преодолев последствия прежних травм. Правда, врачи говорили, что в преклонном возрасте залеченные болячки вновь дадут о себе знать, но кто думает о преклонном возрасте, когда тебе только двадцать четыре года? К тому же впереди была долгая война, что делало преклонный возраст чем-то совершенно несбыточным.

На каждую сотню молодых солдат приходился только один пенсионер-ветеран.

Помимо приобретенных крепких мускулов и молниеносной реакции, Ник Ламберт, как ему и обещали, вырос до положенного роста и продолжал расти дальше.

Наблюдавший его врач сказал, что это инерционная реакция на законченный курс специального лечения. Он уверял, что рост уже замедлился, но сантиметра на четыре Ник еще вытянется.

Как-то под вечер, к концу учебных стрельб, Ника подзвал к себе Поджерс.

– Тебе назначили свидание, – сказал сержант и усмехнулся. – Знаешь кто?

– Думаю, капитан Эббот, сэр. Больше у меня здесь знакомых нет.

– Где это ты успел с ней познакомиться?

– В бюро Старшего Брата.

– Ах, вон оно что, – кивнул головой сержант. – А ты знаешь, что она больше с девочками водится?

– Догадался, сэр.

– Если желаешь, я выдумаю для тебя уважительную причину.

– Не нужно, сэр. Я схожу. У капитана Эббот личные проблемы, и ей сейчас нужна поддержка.

– Смотрите, какой заботливый, – покачал головой Поджерс. – Хотя, может, ты и прав. С кем бы они ни предпочитали спать, солдаты они хорошие.

– А чем они занимаются, сэр? По ее эмблемам я так ничего и не понял. Какой-то краб...

– Они пилотируют «самоходные крепости Ролтера». – Сержант присел на каменный бордюр, и Ник примостился рядом. Отстрелявшиеся курсанты смотрели в их сторону, и Поджерс махнул им рукой, чтобы самостоятельно возвращались в казармы.

– Что это за крепости, сэр? – не удержавшись, спросил Ник.

– Так назывались первые боевые роботы.

– О! – Ник даже подпрыгнул. – Никогда не видел настоящих роботов! Хотя нет, – и он тут же осекся, вспомнив, что рассказывать про свою прежнюю жизнь не имеет права. Пока что майор Фонтен такого разрешения ему не давал.

Впрочем, Поджерс, даже если что-то и заметил, расспрашивать не стал. Он только посоветовал Нику поторопиться, ведь если придется «работать всю ночь», это отразится на самочувствии во время завтрашних тренировок, освобождать от которых Ника никто не собирался.

После краткого наставления сержант достал из кармана пропуск и вручил его курсанту, а сам отправился по своим делам.

Не теряя времени, Ник сбегал в казарму, принял душ, побрился, надел чистое обмундирование и, не дожидаясь ужина, отправился в зону «С».

На проходной между зонами «А» и «В» часовой-пехотинец внимательно рассмотрел пропуск и просветил его над лампой. Ник даже подумал, что тот вызовет кого-то из старших,

однако все обошлось. Пропуск Нику вернули, и он оказался на территории состоявшихся «корсаров».

Этот факт волновал Ника едва ли не больше, чем то, что он идет к Сью. Он надеялся увидеть здесь что-то совершенно необыкновенное, однако на тех же местах, что и в зоне «А», здесь размещались учебные площадки и тренажеры, казармы были покрашены точно в такие же грязно-желтые тона, а люди спокойно ходили по асфальтовым дорожкам и не совершали семимильных прыжков.

Немного разочарованный, Ник минут за двадцать пересек зону «В» и оказался перед новой проходной.

– Пропуск, – потребовал часовой, хотя Ник и так держал его в вытянутой руке.

– Так. Курсант, значит? – поинтересовался солдат.

– Курсант, – ответил Ник, не зная, стоит ли в этой ситуации добавлять «сэр».

– А зачем идешь в зону «С», курсант?

– Это конфиденциальная информация.

Часовой перевел взгляд с пропуска на самого Ника, но не нашелся что сказать и вернул документ обратно.

– Проходи, – сказал он.

– У меня вопрос: где мне найти капитана Эббот?

– Капитана Эббот? – Часовой поправил автомат и, пожав плечами, ответил: – Боюсь, приятель, что это тоже конфиденциальная информация.

Спорить Ник не стал. Он вышел из проходной и тотчас оказался в необыкновенном месте.

Никаких привычных схем расположения здесь не было. Вместо казарм тянулась длинная череда аккуратных коттеджей, красиво обсаженных кустиками. Гимнастическая площадка оказалась без привычной для Ника полосы препятствий, а вдалеке, за деревьями, сверкали серебристые крыши полукруглых ангаров. Нику подумалось, что именно там прячутся огромные боевые машины.

Другим отличием от зон «А» и «В» были молодые женщины, фигуры которых удачно подчеркивались офицерскими мундирами. Нику приходилось то и дело отдавать честь, и он никак не мог поймать момент, чтобы спросить, где ему искать капитана Эббот.

На помощь ему пришла девушка-лейтенант примерно одного с ним возраста.

– Вы не заблудились, курсант? – строго спросила она, но Ник заметил в ее глазах веселую насмешку. – Ведь это запретная для вас зона.

– Нет, мэм, у меня есть пропуск. Вот – пожалуйста.

Лейтенант едва заглянула в документ, но задержала свой взгляд на лице Ника.

– Мы раньше не встречались, курсант?

– Не могу сказать ничего определенного, мэм.

– А откуда вы родом?

– Я с Хиллапа, мэм, а мой отец фермер, – отчеканил Ник заученную фразу.

– Ну ладно, фермер, продолжай движение.

Девушка уже развернулась, чтобы идти дальше, однако Нику нужно было узнать, где найти Сью.

– Прошу прощения, мэм. Где бы я мог найти капитана Эббот?

– Капитана Эббот? С чего это ей понадобился молодой курсант? Впрочем, это не мое дело. Вы можете найти ее в коттедже 37-1, это вон там, у пересечения аллеи.

– А в котором живете вы, мэм? – поинтересовался Ник. Так, на всякий случай.

– Мой номер 48-1. А зовут меня лейтенант Соня Арагон.

– А я Ник Ламберт, мэм, – не сдерживая улыбки, представился Ник. – Приятно познакомиться.

– Приятнее некуда, – усмехнулась лейтенант Арагон и, повернувшись, пошла своей дорогой. Ник постоял еще немного, любуясь ее походкой, а затем пошел искать 37-1.

Нужный номер он нашел очень быстро, но возле коттеджа столкнулся еще с одной женщиной – майором. Это была жгучая брюнетка со сросшимися на переносице бровями. Ее плечи оказались едва ли не шире, чем у Ника, а голова была посажена на туловище с изяществом танковой башни.

– Курсант? – удивилась она, и густые брови подпрыгнули на лоб. – Куда следуете?

– К капитану Эббот, мэм, – честно признался Ник.

– К Сью? Вот так номер! – Майор покачала головой и прошла мимо.

Ник пожал плечами и, войдя в небольшой коридор, остановился перед двумя дверями. На одной была цифра «1», на другой – «2». Ник осторожно постучал в первую.

12

Сначала никто не отзывался, потом послышались быстрые легкие шаги, и дверь распахнулась.

– Привет, Сью, – произнес Ник. – Извини, что без цветов.

– Ничего, и так сгодится.

Она посторожилась, и Ник вошел. Остановившись посередине комнаты, он снял берет и огляделся. На каждой стене висело по портрету молодой черноволосой девушки со вздернутым носиком. Почти на всех снимках она была в военной форме и только на одном в гражданском платье.

Должно быть, этот снимок был сделан еще до поступления в армию, поскольку на нем она была изображена с косичками.

– Она тебе нравится? – спросила Сью, заметив, что Ник рассматривает портреты.

– Она милая.

– Да, она была милой. Она была милой, но она была одним из наших врагов.

«Зря я пришел сюда», – подумал Ник, заметив в глазах Сью какую-то паническую растерянность. Она застрелила свою подругу, действуя как механизм, запрограммированный на служение отечеству, однако человеку по имени Сьюзен Эббот было тяжело на сердце из-за собственного поступка.

– Присаживайся, Ник. Сейчас я угощу тебя кофе... – Сью засуетилась и стала похожа на настоящую хозяйку. Она выскочила на кухню и продолжала говорить оттуда:

– Спиртного я здесь не держу... Опасаюсь, что не смогу удержаться, а мне этого нельзя, я на фронт должна попасть в первую отправку...

Вскоре она вернулась с подносом, на котором дымились наполненные чашки. А в вазочке горкой лежали маленькие пирожные, точь-в-точь такие, какие он ел в кафе в здании имперской безопасности.

– Узнаешь пирожные? – улыбнулась Сью.

– Да, спасибо.

– Они очень кстати оказались в офицерской столовой.

Сью присела рядом, широкий халат распахнулся, и Ник увидел красивое тренированное тело с отметинами в виде небольших рубцов. Что они означали, Ник знал, поскольку многие обучавшиеся с ним курсанты прибыли в Форт-Дикс из фронтовых частей. Эти ребята неохотно объясняли, при каких обстоятельствах заработали подобные отметины, однако Ник уже мог отличить, какие следы оставляет пружинная сталь крупнокалиберных мин, а какие шрапнель с тефлоновым покрытием. Сью быстро запахнула халат и засмеялась.

– Это я специально для тебя надела. Обычно я хожу в спортивной одежде... Но поскольку ты кавалер, хотелось выглядеть женственнее.

– Ты просто великолепна, Сью, – с чувством произнес Ник. – И ты меня по-настоящему волнуешь.

– Правда?

Она взяла чашку и попробовала кофе.

– По-моему, очень крепкий.

Ник тоже сделал глоток и покачал головой:

– Да нет, в самый раз.

– На улице еще слишком светло, я занавешу окна. – Сью поднялась и, подойдя к окну, бросила взгляд на один из портретов своей подруги.

Ник вздохнул. Он чувствовал, какая борьба происходит в душе капитана Эббот.

– Пирожные отличные. Вот стану офицером, смогу их есть сколько угодно.

- «Корсары» не едят пирожных, Ник. Они и нужду-то справляют рублеными гвоздями. Ник так и замер с пирожным в руках.
- Это что, шутка такая?
- У нас так все говорят.

13

Кофе был выпит, пирожные съедены, а Сью все еще была в нерешительности. Она нервничала, пыталась рассказывать какие-то похабные анекдоты и сама же над ними смеялась. Ник улыбался невпопад.

– Давай еще кофе, – предложил он, видя, что у Эббот проблемы.

– Да, конечно! – обрадовалась она и выскочила на кухню, а Ник снова пожалел, что пришел. С другой стороны, отказываться было как-то неправильно.

Сью принесла кофе и шоколадное печенье, поскольку пирожные кончились. Ник не любил шоколадное печенье, однако с готовностью взял одно.

– Когда я направила на нее пистолет, – неожиданно заговорила Сью, словно продолжая прерванный диалог, – она сказала мне: «Как же ты без меня будешь...»

– И что? – не удержался Ник.

– Да ничего. Я в нее выстрелила... – Сью закрыла лицо руками, всхлипнула и стала раскачиваться из стороны в сторону.

– Послушай, может, мне лучше уйти?

– Ну уж нет! – Сью отняла руки от лица, ее глаза моментально просохли. Просохли и стали злыми.

– Она думала обо мне, когда затевала все это? Нет, не думала! Вот и я не буду. Сью глубоко вздохнула, будто собираясь прыгать в ледяную прорубь, и скомандовала: – В постель, курсант! Немедленно в постель!

Ник не нужно было повторять дважды – он стал по-военному быстро снимать одежду.

Когда на нем совсем ничего не осталось, он шагнул к кровати, на которой уже лежала капитан Эббот. Увидев обнаженного мужчину так близко, она едва не пошла на попятную, но Ник решил не отступать.

– Прекрати, Сью, – сказал он. – Я больше не собираюсь слушать твои глупые бредни.

– Как скажешь, Ник. Как скажешь.

Все, что происходило потом, больше напоминало военные учения – старательную имитацию боевых действий.

А когда все закончилось, Ник не успел даже утомиться.

– Все? – спросила Сью.

– Ну да, – угрюмо отозвался Ник.

– Здорово, мне даже понравилось, – с нарочитой веселостью произнесла Сью.

– Еще хочешь? – поинтересовался Ник.

– Ну... Не сейчас. Может быть, в следующий раз... Да, в следующий раз, – сказала Эббот и почти столкнула Ника с кровати. – Ванная вон за той дверью.

Через десять минут, полностью одетый, Ник Ламберт уже стоял возле двери. Сью куталась в халат, стоя рядом с ним.

– Я скоро вызову тебя снова, Ник. Ты не возражаешь? – врала Эббот.

– Нет, конечно, Сью, – подыгрывал ей Ник. – С нетерпением буду ждать встречи.

На прощание они неловко поцеловались, и Ник вышел на улицу. Он чувствовал некоторое облегчение, но вот удовлетворения не было ни малейшего.

Ник шел по аллее, вдыхая воздух, напоенный ароматами цветущих кустарников, и думал о том, что впереди у него еще куча времени, а попасть в зону «С» в следующий раз доведется еще не скоро.

Остановившись, он посмотрел по сторонам и, прикинув, где может находиться коттедж 48, направился в ту сторону.

Ник не считал себя знатоком женской психологии, но что-то подсказывало ему, что его не прогонят.

14

На территории зоны «С» горели ночные фонари, и номера коттеджей подсвечивались специальными светильниками. Ник без труда отыскал номер 48, но стоило ему войти в небольшой коридорчик, как свет неожиданно погас. Сколько Ник ни шарил руками по стенам, стоя в абсолютной темноте, обнаружить выключатель никак не удавалось.

«Ну и ладно, – приободрил себя он. – Сорок восемь-один, это, по аналогии с квартирой капитана Эббот, должно находиться справа». Он легко нашел дверь и тихонечко постучал. Ему никто не ответил. Ник постучал еще, потом толкнул дверь, и она открылась.

– Соня! – позвал он полусшепотом, выставив перед собой руки, чтобы не напороться на какой-нибудь шкаф. От накатившего волнения сердце Ника стучало, как молот, и он уже представлял синеглазую лейтенанта Арагон в своих объятиях.

– Соня, – еще раз позвал он и услышал какой-то шорох. – Это я, Ник! Ты меня помнишь?

– Иди сюда, – прошептали ему в ответ. – Только дверь закрой.

– Дверь? – Ник развернулся и легко нашел дверной проем по легкому сквозняку. Он аккуратно прикрыл дверь и, сгорая от нетерпения, вернулся к разведанному месту.

Нежная женская ручка перехватила его и уверенно потянула к себе. Ник снова сбросил одежду и даже охнул, обняв пышущее жаром тело. «О! – подумал он. – Да здравствуют натуралки!»

Ник больше не жалел, что пошел на свидание с капитаном Эббот. Такие приключения стоили маленьких неудобств.

Когда Ник и его «Соня» были уже на пути к кульминации, неожиданно вспыхнул яркий свет и в двери показалась чья-то фигура.

– Твою мать, Грегори! Где это тебя учили перехватывать чужих мужиков?! – прозвучал звонкий от гнева голос.

– Прошу тебя, Соня! – выгибаясь дугой, простонала Грегори. – Дай нам хотя бы закончить!

– Заканчивайте, – бросила Соня, выключая свет. И добавила: – Сволочи...

Все произошло так неожиданно, что Ник не успел даже испугаться, так что полностью оправдал ожидания женщины, с которой оказался.

И снова его тотчас же вытолкнули из постели, шепнув напоследок короткое «спасибо».

– Эй, в чем дело?! Разве можно так обращаться с человеком?! – запротестовал Ник.

– Извини, милый, но ты должен немедленно идти к Соне! Немедленно! А то нам обоим не поздоровится!

– Вот те раз! – произнес Ник, на ощупь собирая с пола свою одежду. – А ты тогда кто?

– Я – Сандра, – призналась девушка из темноты. – Лейтенант Сандра Грегори.

– Ну, знаете, мэм! У вас тут такие порядочки...

Ник наскоро поправил форму, надел берет, едва ли не чеканным шагом пересек узкий коридор и постучал в дверь с цифрой «1». Теперь, когда здесь горела лампочка, было видно, что он ошибся.

– Войдите, – произнес дрогнувший голос, и Ник вошел.

На небольшой, застеленной клетчатым пледом тахте сидела Соня – лейтенант Арагон, по ее лицу катились крупные слезы.

– Нет, ну вот ты мне скажи, разве не сука эта Грегори?! Знает прекрасно, что не к ней пришли, а все равно распускает руки. Ну разве не сука?!

– Она сука, мэм. Совершенно с вами согласен, – подтвердил Ник и тут же сам ужаснулся своим словам. С одной стороны, он только что расстался с чудесной девушкой Сандрой, но с другой – Соня тоже была офицером, и это налагало на Ламберта определенную ответствен-

ность. Старшим по званию перечить не следовало. Это он хорошо усвоил из уроков, которые ему преподавал сержант Поджерс.

– Ты, кажется, Ник? – спросила Соня.

– Так точно, мэм. У вас отличная память, мэм.

– Прекрати идиотничать. – Лейтенант Арагон достала розовый платочек и промокнула глаза. Нику показалось, что она немного успокоилась. – Для мужчин после десяти часов вечера я Соня, и никакого официоза.

– Я понял, Соня.

Лейтенант Арагон поднялась с тахты и, поставив стул, показала рукой:

– Садитесь, курсант. Чего вы у двери как телеграфный столб стоите? – Ник сел и положил на колени берет. – Силы-то еще остались? – спросила Соня.

– Вы такая женщина, Соня, что для вас силы останутся у любого мужчины, – искренне признался Ник и даже физически ощутил, что силы действительно есть.

– В таком случае – шагом марш в ванную. Не хватало еще, чтобы я от этой сучки Грегори чего-нибудь подцепила.

Не говоря ни слова, Ник поднялся со стула и пошел мыться. Когда он вернулся в одних брюках и с казенным полотенцем на плече, лейтенант Арагон уже накрыла стол, на котором, вопреки его ожиданиям, оказались графинчик «шотрази» военной поставки и маринованные овощи.

Заметив Ника и оценив его экстерьер, Соня не удержалась и, подойдя к курсанту, подарила ему жаркий поцелуй.

Ник зажегся словно свеча и сразу же потащил Соню в постель, но та вырвалась и пояснила, что любит, когда все красиво.

Пришлось делать «красиво». Сначала «шотрази» и маринованные огурчики, патиссоны и морковь, потом короткая беседа и основная программа.

Где-то в три часа ночи Ник был полностью свободен и хотел убираться, но Соня его остановила:

– Куда ты сейчас пойдешь? Только нарисуешься перед часовыми, а они это не любят. Лучше спи до половины шестого, я тебе будильник поставлю. Проснешься и не спеша вернешься обратно. Как раз к семи поспеешь на построение. – Соня сладко зевнула.

– Откуда ты знаешь, что у нас построение в семь? – удивился Ник.

– Оттуда. Курсанты для нас самый важный ресурс.

– Курсанты? Но ведь в зоне «В» полно настоящих «корсаров»...

– «Корсары», Ник, они хорошие солдаты и товарищи... Когда Сандру подожгли на Бринслоу, они восемь контратак провели, но вытащили ее, бедняжку, с шестьюдесятью процентами поражения тела. Вот какие они ребята. А вот любовники из них не очень – такое ощущение, что ребята полосу препятствий проходят. На спор могут пройти несколько раз, но я же не полоса препятствий, Ник. Я женщина.

15

Легкий уиндер «Саратога» уже начал приближаться к причальным терминалам, когда диспетчер вдруг потребовал, чтобы судно совершило еще один оборот вокруг станции.

– Просим прощения, у нас буксы заело. Масло подтекает.

– О'кей, – согласился капитан «Саратоги», полковник в отставке Найджел Вершин, хотя и не поверил хозяевам станции. Видимо, те готовили ему настоящую встречу «с перчиком», надеясь сразу сломать его легенду. Впрочем, Вершин чувствовал себя уверенно. Он знал, что нужно бандитам с Треугольника, как знал и то, что ради этого они слопают любую подставленную им ложь. А уж он постарается этого добиться.

Издали «Революшн-И» с расходящимися в стороны лучами стыковочных терминалов смотрелась очень красиво. Свободных причальных узлов у станции были сотни, но Вершин понимал опасения хозяев, которым в каждом человеке виделся шпион Объединения Англизонских Миров.

– Добро пожаловать в Треугольник, сэр! Колыбель подлинной демократии! – объявил наконец диспетчер, и на выделенном для «Саратоги» причальном узле замигал зеленый маяк.

– Причаливаем, хозяин? – спросил у Вершина рулевой, которого он нанял всего пару недель назад.

– Конечно, Бунзен. Разве не видишь, как они рады нашему прибытию.

– Да уж вижу, хозяин, – покачал тот головой, наблюдая за штурмовиками, которые мчались поперек курса «Саратоги».

Вершин понимал, что его в который раз предупреждают, однако обратного хода не было. Ему надлежало встретиться с самыми отъявленными злодеями этого мира, поскольку незаконные планетные формирования являлись самыми надежными местами легализации.

– Касание! – объявил Бунзен, а двое матросов – Хильке и Абу Сайд – встали в готовности у переходного шлюза.

– На всякий случай приготовьтесь к тому, что вас будут бить, – как бы невзначай бросил Вершин.

– За что нас бить, хозяин? – В больших черных глазах Сайда появилось удивление.

Тем временем магнитные захваты лязгнули о борт «Саратоги», и стало ясно, что разговаривать больше не о чем. Если бы Вершин заранее предупредил свою небольшую команду, на что они могут наткнуться в Треугольнике, они, возможно, потребовали бы немедленный расчет. Но он держал язык за зубами.

Зашипел сжатый воздух, и переходная камера наполнилась воздухом. Затем по обшивке уиндера постучали.

– Не терпится им, – прошептал Сайд и открыл дверь. Ему в лоб тотчас уперся автоматный ствол, и человек с неприветливым лицом сказал: – Выходи.

Сайд повиновался и сразу же попал в руки других негостеприимных хозяев станции. Он слышал, как выругался, а потом застонал Хильке.

– На колени! – проорали у него над ухом, и Сайд сразу подчинился. Однако его все равно ударили под ребра, затем завели руки за спину и надели наручники. – Встать!

Сайд повиновался, и его потащили по узким коридорам. Следом за ним волокли Хильке, лицо которого было в крови.

– Этого в восьмую! Следующего в двенадцатую! – пролаял владелец начищенных ботинок огромного размера. Поднимать глаза выше было небезопасно, к тому же арестованным намеренно заламывали руки.

Сайда швырнули в узкую клетушку, и дверь захлопнулась. Затем грохнула дверь камеры Хильке.

– Куда эту сволочь?! – спросили конвойные, притащившие нового узника.

– В пятнадцатую, там ему самое место. А капитана волоките сразу на допрос. Камрад-лейтенант Дуплекс ждет его не дождется.

После этих слов несколько глоток исторгли счастливое ржание, которое, отразившись от металлических стен, превратилось в раскатистый ухающий звук.

– О-о, – простонал Сайд, с трудом перевернувшись на спину. – И зачем я нанялся на этот корабль? Лучше бы уж оставался без работы...

16

Вершина втокнула в ярко освещенную комнату, стены которой были выложены шестигранниками из специального звукопоглощающего пластика. Нетрудно было догадаться, для чего это было сделано, тем более что капли крови со стен даже не смывали, видимо, чтобы у попадавших сюда не возникало никаких иллюзий.

– Здравствуйте, – произнес невысокий человек в кожаном переднике, защищавшем его военный мундир. – Я камрад-лейтенант Дуплекс, а это мои помощники камрады Жрунач и Уркидес.

Стоявшие по обе стороны от Дуплекса помощники картинно поклонились.

– А как зовут вас?

– Найджел Вершин.

– Очень хорошо, Найджел. Ближайшие полчаса мы будем очень активно общаться, поэтому сразу ставлю главный вопрос, а вернее две его части. Первое: уж не шпион ли ты англизонов, и второе: ты сказал, что имеешь предложить нам препарат. Где этот препарат?

– Я надеялся переговорить с кем-то из руководства или, по крайней мере, с людьми, занимающимися у вас этим вопросом.

– Этим вопросом у нас занимаются все. И я в том числе. – Дуплекс позволил себе скромную улыбку. – Ну а теперь, – голос следователя окреп и зазвенел под самым потолком душегубки, – теперь я предложу вам раздеться, так как открытая кожа значительно чувствительнее к болевым воздействиям.

– Как же я разденусь, если на мне наручники, да еще руки за спиной? – возразил Вершин.

– Отлично! – похвалил лейтенант. – Теперь я вижу, что с логикой у вас все в порядке. Значит, будем работать. Камрады!

Жрунач и Уркидес шагнули вперед и с помощью коротких разделочных ножей начали снимать с Вершина одежду – слой за слоем. Ощущение при этом было очень неприятное, узник понимал, что так же сноровисто они могут снять с него и кожу.

Когда дело дошло до обуви, Вершин был вынужден предупредить:

– Прошу прощения, господа, но ботинки заминированы.

Жрунач и Уркидес как по команде повернулись к камрад-лейтенанту.

– Чистая победа, друзья мои. Даже обидно. Снимайте с него ботинки – ставлю сто против шести и четырнадцати сотых, что препарат спрятан в обуви.

– Там не наркотик, господа. Там взрывчатка, уж поверьте мне, – настаивал Вершин, глядя, как его ботинки просвечивают аргонным фонарем.

– На твоём месте я бы говорил то же самое, – усмехнулся Дуплекс. – Ну что там, камрады?

– В полостях жидкость, камрад-лейтенант!

– Вскрывают осторожно и не потеряйте ни капли. Очень может быть, что эта жидкость бесценна.

– Поверьте мне, там нет никаких наркотиков. В ботинках взрывчатая смесь, которую может активизировать любой металл!

– До чего же вы безобразно выглядите, – словно не слыша Вершина, произнес Дуплекс. – Лучше расскажите нам, откуда вы достаете этот препарат? Я ведь понимаю, что варианты возможны самые разные.

Камрад-лейтенант расправил заскорузлый от засохшей крови фартук и снова остановил взгляд на Вершине.

– Я понимаю, вам выгодно промолчать и потом получить свою долю, однако у нас по таким правилам не играют, улавливаете? Мы не какая-то там фирма-однодневка. Мы держава,

мы основа и оплот! А вы стоите тут голый, так что даже смотреть неприлично, и еще надеетесь на какой-то там раздел процентов. Ну разве это не смешно?

Слушая разглагольствования следователя, Найджел зябко переступал ногами, потому что пол в душегубке был ледяной. Он старался встать так, чтобы лейтенант закрывал его от вспарывавших ботинки помощников. Вершин, конечно, рисковал, но он понимал, чего можно ожидать от подобных «деловых партнеров». Их вразумлял только особый язык, который Найджел, к счастью, немного знал. Наконец полыхнула яркая вспышка. Вершин правильно выбрал позицию, однако прикрывший его Дуплекс со страшной скоростью понесся прямо на него. В полете от лейтенанта отлетали лоскуты разорванного мундира и ключья плоти. Это длилось лишь доли секунды, а затем тело следователя обрушилось на Найджела. Удар был очень силен, и узник потерял сознание.

Он очнулся на холодном полу в коридоре. Наручников на нем уже не было, однако на этом забота о пострадавшем была исчерпана. На израненное мелкими осколками тело никто не набросил даже старого одеяла.

– Кажется, он очухался, – заметил один из охранников, и к Вершину подошел офицер. Найджел определил его майорский чин.

– Так-так, – сказал майор после внимательного изучения лежавшего на полу человека. – Это животное уцелело, а Дуплекс растекся по стенке. Где, спрашивается, справедливость? Кто мне теперь отдаст три сотни долга?

– Что с ним делать, камрад-майор? – спросил охранник.

– Вызови санитаров, – вздохнул офицер и распрямился. – А то сдохнет прямо здесь. Мне только этого еще не хватало.

Скоро Вершин почувствовал, как его переложили на носилки и укрыли провонявшим дезинфекцией одеялом.

– Понесли, понесли, его еще просвечивать нужно. Вдруг у него и в брюхе бомба зашита?

Кто это говорил, Вершин уже не видел. Повернуть голову не было никакой возможности, а потолочные светильники слепили глаза.

Наконец коридор кончился, и Найджел почувствовал запах лекарств.

– Куда вы его тащите? Там мест нету, несите в следующую палату на четвертую коечку. – Судя по гнусавой интонации, голос принадлежал врачу. Когда Вершин снова открыл глаза, то увидел безумное лицо доктора совсем рядом. – Ну, понесли, чего в проходе стали!

Носилки опасно наклонились – дверь в следующую палату оказалась слишком узкой. Затем заговорил кто-то из санитаров:

– Док! Четвертая койка занята!

– Да не занята она! – отозвался врач. – Там труп лежит уже двое суток. Снимите его на пол, а новичка положите.

– Понятно...

Оставив Найджела в проходе, санитары подхватили посиневшее тело и задвинули его под кровать.

– Ну вот, парнишка, нашли и для тебя коечку, – услышал Вершин почти ласковый голос санитаря. Он хотел протестовать, потребовать, чтобы ему хотя бы сменили постель, однако так плохо себя чувствовал, что почти не мог говорить.

Где-то далеко ухнул очередной взрыв. «Ах да, – вспомнил Вершин. – Вторая пара ботинок».

Через минуту раздался еще один взрыв. Теперь уже Вершин ничего не понимал. «Наверное, показалось», – решил он.

– Эй, Гуттенберг, какое сегодня число? – спросил кто-то из пациентов.

– Четырнадцатое.

– Ну вот, а День Независимости восемнадцатого числа. С чего тогда салют?

– А я почем знаю?

17

Когда ровно за неделю до событий, о которых идет речь, на сетевой узел «Революшн-И» пришло сообщение от анонимного источника, ему никто не придал значения. Мало ли сумасшедших рассылают послания во все уголки света. Однако прежде чем удалить текст, оператор все же открыл присланный файл и на всякий случай передал его в отдел Главного технолога. Там посмотрели краткую записку и пришли к выводу, что она составлена профессионально.

Главный технолог лично напросился к команданте Нагель, поскольку следовало принять решение на уровне высшего политического руководства.

Нагель не обратил бы на это особого внимания, если бы не поразительный факт – технолог Банкок пришел трезвый. То есть не то чтобы абсолютно трезвый, однако достаточно трезвый для человека, который не признавал никакого иного испытания препаратов, кроме как на себе самом. Сам Банкок называл этот подход жертвенностью ради науки.

– Что у вас такое, дорогой вы мой химический камрад? – спросил его тогда команданте Нагель.

– Команданте, нам пришло удивительное сообщение от неизвестного источника.

– Оно действительно пришло? – с понимающей усмешкой осведомился Нагель. – Оно реально или это плод вашего очередного прозрения, камрад Банкок?

– Вот, – ответил технолог и положил перед команданте изрядно потертый листок бумаги. Нагель пробежался по нему глазами. Кто-то предлагал руководству Треугольника совместно производить некий неизвестный прежде препарат.

После текста начинались непонятные Йогану Нагелью формулы, про которые он знал лишь то, что они химические.

– Так-так, – изрек команданте и задумчиво почесал нос. – Так-так, Банкок... Что ты на это скажешь?

– Основание толковое, босс... Сразу видно, что человек знает, о чем говорит.

– Значит, это может оказаться правдой?

– Вполне, босс.

– Что это за препарат? Ты можешь предположить, каково его действие?

– О-о! – протянул Банкок. Его лицо сразу повлажнело, а глаза закатились. – Это будет просто свадебное путешествие...

– Но ты сам по этим формулам ничего не сможешь предпринять?

– Эти формулы я видел и прежде, босс, правда, немного в другой последовательности. Формулы могут иметь многие, но вот создать конечный продукт – тут дело личного везения или гениальности.

– Хорошо. Тогда ты ответь этому человеку как специалист, а заманить эту птичку в наши сети мы поручим камрад-полковнику Либерману. Он у нас признанный мастер шпионских игр. А то ведь это запросто может оказаться происками англизонов, а?

– Может, – кивнул посоловевший Банкок, который без нужных вливаний быстро терял концентрацию.

– Ну и ладненько. – Нагель удовлетворенно потер руки, но вдруг, вспомнив что-то, поморщился: – И вот что еще, камрад Банкок, прекратите называть меня «босс». Это же буржуазное словечко.

– Прошу простить, команданте. Учту.

И вот теперь, когда, спустя время, «птичка» трудами полковника Либермана оказалась в сетях Треугольника, начали происходить какие-то отвратительные накладки.

Сначала произошел первый взрыв. В тот момент Нагель с совершенно кислым лицом сидел на совещании крупнейших дилеров Треугольника, не входивших в его политическую структуру.

Уважаемые люди, сбытовая сеть которых опутывала большую часть цивилизованного мира, стали свидетелями подобного конфуза.

Пришлось что-то врать, но вышло не совсем складно.

– Немедленно узнайте, что случилось, – прикрывая ладонью перекошенный рот, потребовал Иоган.

– О да, мой команданте, – ответил Эмиль Годе, комиссар по сбыту готовой продукции. Однако не успел он добраться до двери, как телохранительницы Нагеля получили сообщение по своим линиям безопасности.

– Взрыв произошел в камере допросов, – нагнувшись сзади к левому уху команданте, доложила Анни Скорцезе. Дыхание у нее было горячим и очень волнующим. По спине Нагеля пробежали мурашки.

– Взорвались ботинки арестованного, – добавила Хлоя Форватер, и снова Нагель ощутил волну приятного беспокойства.

Между тем торжественная часть шла своим чередом, сытые лица оптовиков выражали ничем не прикрытый оптимизм. Постепенно дело двигалось к финальному банкету, но неожиданно, один за другим, станцию сотрясли еще два взрыва.

Поняв, что нужно спасать положение, Иоган Нагель поднялся и, привлекая внимание к себе, несколько раз взмахнул над головой папкой для бумаг. Документы тотчас выпорхнули и полетели на пол. Нужного эффекта команданте добился.

– Уважаемые гости! Хотелось сохранить это до времени в тайне, однако так уж получилось. Одним словом, мы готовим прорыв в сфере нашего общего бизнеса и разрабатываем препарат двенадцатого поколения. Дело почти сделано, друзья мои, и все это благодаря новой технологии направленного взрыва, так что шума избежать, увы, не удастся.

После такого сообщения все зааплодировали. Оптовики радовались ожидаемой новинке, а свои хлопали по привычке, придерживаясь теории о гениальности команданте.

18

Взрыв камеры допросов застал камрад-полковника Либермана врасплох, а последующие два взрыва посеяли панику на всей станции.

Позже выяснилось, что к этому причастен Найджел Вершин, информации о котором Либерману, как он ни старался, не удалось разыскать ни в одном из доступных информационных узлов. А учитывая финансовые возможности Треугольника, доступны были очень и очень многие.

«Увы, сэр, нам о нем ничего не известно», – примерно так или несколько иначе отвечали все подкупленные секретные сотрудники, и Либерман оставался один на один с задачей со всеми неизвестными. Впору было подумать о том, чтобы обращаться с Вершином как-то иначе, поосторожнее, что ли, однако не таков был Бен Либерман. Играть по таким правилам он не любил, а потому решил, что Вершина следует подвергнуть побоям. Кто же знал, к каким это приведет результатам? Бесстрастная видеозапись зафиксировала вынужденный блеф перепугавшегося арестованного. Бедняга нес какую-то чушь про заминированные ботинки. Никто в это, конечно, не верил – и вдруг взрыв. Кровавые брызги запачкали даже видеообъектив – блеф оказался самой настоящей правдой.

После этого первого взрыва у полковника Либермана напрочь испортился стул. И только сидя уже в служебном сортире, он вернулся к здравому анализу ситуации и снова вспомнил о виновнике произошедшего события – Найджеле Вершине. А что, если он погиб? Куда в таком случае деваться Бену Либерману от гнева команданте?

Быстро закончив остаточные процедуры, полковник добежал до своих телефонов и потребовал доложить ему о состоянии Вершина.

Когда выяснилось, что тот уцелел и находится в медицинском отделении, Либерман ожил, задышал глубже, но тут послышался новый взрыв, а спустя короткое время еще один.

После этого на столе разом зазвонили все аппараты связи, и Либерман поочередно их включал, чтобы выслушать доклад или успокоить должностных лиц высоких рангов.

Оказалось, что, кроме основной пары обуви, взорвалась и вторая. А поскольку после первого взрыва с ботинками работали отдельно, погибли еще два расчета саперов-исследователей.

Когда в этом шквале звонков наконец-то наступила пауза, Либерман вызвал к себе камрад-лейтенанта Сквоттера и потребовал доставить к нему Найджела Вершина.

– А кто это, прошу прощения?

– Арестованный «номер один», или, другими словами, главный свидетель.

После этого лейтенант исчез и появился спустя двадцать минут в сопровождении двух небритых санитаров. Те тащили длинные носилки, на которых восседал совершенно голый человек. Половина волос на его голове была опалена взрывом, а на теле черные пятна копоти перемежались живописными синяками и кровоподтеками.

– Что с вами случилось, друг мой? – трагическим тоном воскликнул Бен Либерман, бросаясь к Вершину, как к родному брату. – Почему вы в таком виде?

Найджел посмотрел на незнакомца долгим взглядом и глухо произнес:

– Водки мне... Водки и одеться...

– Сейчас организуем, – точно устроитель банкетов, улыбнулся полковник и, распахнув стеной шкаф, достал свой второй комплект легкого обмундирования. – Вот, дружище, чистейший хлопок.

– Сначала водки, – прохрипел Найджел.

– Один момент, мой друг! Один момент! – Либерман достал из того же шкафа заначенную бутылку, сорвал пробку и, подхватив вазочку для карандашей, налил в нее водки. Напи-

ток был редкий и очень дорогой, Бена душила жаба, однако от этого арестованного сейчас зависело, как будут развиваться дальнейшие события – спишут ли погибших при взрывах как неминуемые потери или же эти жертвы лягут в основу приговора военного трибунала.

Когда Найджел брал поданную ему вазу, его рука слегка подрагивала. Реальность все еще двоилась перед его взором. Тем не менее он буркнул «за встречу» и аккуратно выпил все до капли. Выдохнув пары, Вершин покачал головой и спросил:

– У тебя здесь душ есть?

– Нету, – соврал Либерман.

– Тогда я прямо здесь из графина помоюсь.

– А-а, кажется, есть, – тут же вспомнил камрад-полковник. – Там и полотенце чистое, и сушилка.

– Спасибо, – поблагодарил Вершин и, спустив ноги с носилок, поднялся.

– Всё-всё, пошли вон, – зачастил Либерман, выталкивая из помещения санитаров и камрад-лейтенанта Сквоттера. Однако возле самых дверей он придержал последнего за штаны и шепнул ему на ухо: – Не уходи далеко – мало ли что...

19

Через сорок минут, умытый и переодетый в новую форму Бена Либермана, Найджел Вершин сидел за столом и беседовал с хозяином кабинета, а также со специально приглашенным технологом Банкоком.

– Я, конечно, тысячу раз извиняюсь, дорогой камрад, что так получилось, но предлагаю начать все наши отношения с чистого листа.

Либерман лучился целым набором дружеских улыбок, а технолог Банкок, напротив, был сосредоточен как никогда. Он прервал словесные излияния камрад-полковника категорическим жестом руки, и тот замолчал.

– Препарат, – произнес Банкок медленно. – Препарат с вами?

– Со мной, – в тон технологу ответил Вершин.

– О! – вырвалось у полковника Либермана, пораженного степенью взаимопонимания этих двух людей.

– Мне понадобится трибинатарная основа и растворитель бытовой типа «ореховый куст».

Банкок не спеша поднял с пола докторский чемоданчик и, поставив его на стол, произнес: – Здесь... есть... все...

– Отлично, – кивнул Вершин. Он открыл чемодан и быстро нашел то, что ему требовалось. Тем временем Либерман не дыша следил за действиями главного свидетеля и думал о том, что еще три пары ботинок, принадлежавших членам команды уиндера «Саратога», скрытно угрожают безопасности «Революшн-И».

Вершин намочил бытовым растворителем ватный тампон и принялся протирать ноготь на мизинце левой руки. После этого подул на палец и, взяв другой тампон, смочил его в растворе трибинатарной основы. Проведя несколько раз этим тампоном по ногтю мизинца, Вершин со всеми предосторожностями вернул его в склянку с основой. Затем тщательно закупорил пробку и встряхнул.

– Теперь добавьте сюда каплю нейтрализатора, и раствор готов.

Банкок не заставил себя долго ждать. Теперь он двигался очень быстро, было видно, что технолог очень взволнован.

Наконец нейтрализатор вспенил полученный раствор, хлопья неизвестного осадка трижды достигали поверхности и снова падали на дно, пока не повисли в жидкости равномерной взвесью.

– Можно, – уверенно произнес Вершин.

– Можно, – повторил за ним Банкок и счастливо улыбнулся. Затем намочил в растворе кусочек ватки и положил его под язык.

С минуту он сидел с закрытыми глазами и слегка покачивался, словно его баюкали невидимые волны теплого моря. Временами улыбка трогала его бледные губы, и в эти мгновения Банкок казался живым человеком.

Вскоре из-под сомкнутых век потекли слезы, и технолог очнулся. Он с удивлением посмотрел на Вершина и полковника Либермана, затем с выражением крайней безразличности оглядел помещение, в котором пребывал.

– В какой грязи и низости мы живем, господа! – неожиданно воскликнул он. И уже тише добавил: – Я не хочу сюда возвращаться. После того, что испытал, – не хочу.

20

Уже на следующий день на столе команданте Нагеля лежал самый что ни на есть наилучший отчет о качестве представленного Вершином препарата. Особым пунктом технолог Банкок выделил необходимость на начальном этапе получать препарат от нового партнера, поскольку сразу собрать нужные производственные мощности чрезвычайно трудно.

– Я хочу поговорить с этим человеком, – сказал команданте, и за Вершином тотчас послали курьера.

Вскоре Вершина доставили прямо в кабинет политического руководителя, но предварительно Анни и Хлоя так тщательно обыскали гостя, что он вошел в кабинет Нагеля с улыбкой и легким румянцем на щеках.

– Прошу садиться, мистер Вершин.

– Спасибо, сэр.

– Вам идет эта форма. Не хотите ли остаться у нас насовсем?

– Насовсем? – Вершин огляделся, словно ему предлагали жить в кабинете вождя, и, утвердительно кивнув, сказал: – У вас тут довольно уютно, сэр, и если наши дела пойдут, то почему бы и нет...

– Свои источники вы тоже пока не собираетесь нам открывать? – Команданте улыбнулся гостю как мудрый вездесущий старичок – хитро и весело.

– Мои источники очень осторожны, сэр. Одно неверное движение – и они исчезнут, а мы с вами останемся при своих прежних активах. – Вершин развел руками. – А кому это надо?

– Вам стоит поговорить со своими поставщиками, мистер Вершин. У нас огромная станция и три чудесные планеты – Зуфар, Червонец и Судак. Мы можем создать вам любые условия.

– Можете быть уверены, сэр, что я расскажу о ваших широких возможностях.

– А недоразумение...

– А про недоразумение я уже забыл. Чего только не случается в бизнесе.

Иоган Нагель пошевелил бровями, Вершин почесал нос. Они помолчали. Команданте пододвинул к себе листок бумаги и пробежал его глазами.

– Вы бывший военный, мистер Вершин?

– Да, сэр. Я состоял в вооруженных силах республики Конклав. До того момента, пока она не прекратила свое существование.

– У вас есть семья, дети? – посмотрев в шпаргалку, спросил команданте.

– Чего нет, того нет, сэр. Я всегда был один.

– М-да... В таком случае позвольте с вами проститься и пожелать счастливого пути.

Команданте поднялся, Найджел Вершин тоже. Они обменялись рукопожатиями, и команданте, как бы между прочим, спросил:

– Куда теперь?

– Еще не знаю, сэр. Я ведь в этих краях недавно, хочется осмотреться, может, слетаю на Новую Каледонию.

– А зачем вам Новая Каледония?

– У меня там знакомый живет, вместе служили еще молодыми лейтенантами.

– Понятно. – Нагель вздохнул. – Только не советую я вам лететь на Новую Каледонию и вообще появляться в районе Прибрежных Миров...

– Почему, сэр?

– Там находится тайная военная база Объединения Англизонских Миров. Они уничтожают любой объект, который попадает в их поле видимости, – судно, катер, спутник. Все что угодно... Есть даже мнение, – команданте понизил голос, – есть мнение, что населения Деркача и Новой Каледонии уже не существует...

– Вы хотите сказать, сэр... – начал было Вершин и не договорил.

– Именно так, дорогой друг. Живем как на пороховой бочке. Ну, прощайте... Ваш экипаж незамедлительно освободят, а то, что сняли с корабля, поставят на место.

– До свидания, сэр.

Найджел покинул апартаменты команданте, и курьерский унтер-офицер довез его на пузатеньком каре до причальных терминалов. Там, прямо возле перехода на «Саратогу», в окружении полутора десятков вооруженных охранников Вершина ждала его команда.

Лицо Абу Сайда представляло собой сплошную маску из синяков.

Ральф Хильке мог видеть только одним глазом – второй совершенно заплыл.

У Бунзена были рассечены обе брови. Вдобавок ко всему бедняги были разуты и стояли на холодном полу босые, а их руки были стянуты шипованными наручниками.

– Снимите наручники, – приказал Вершин человеку с погонами лейтенанта.

– Вы не полковник Либерман, – возразил лейтенант, посмотрев на прикрепленную к мундиру бирку.

Наверное, имело смысл вызвать местное начальство, которое, по всей видимости, забыло довести свои распоряжения до нижних чинов, однако Вершина распирала злость. Совершенно непрофессиональное чувство, однако это было так.

– Сними с них наручники, у тебя осталось совсем мало времени, – зловеще произнес Вершин и ткнул лейтенанта пальцем в грудь.

Тот попытался схватить нахала за палец, но получил молниеносный и страшный удар головой в лицо.

– Эй, он сшиб нашего лейтенанта! – завопил один из охранников, но тут же согнулся пополам, получив в солнечное сплетение.

– Так, мразь... Буду теперь вас учить! – объявил Вершин. – Кто бил моих людей?

– Это не я, сэр, я точно не бил! – завопил рыжий толстяк. – Это лейтенант Фальберг и еще двое из другой смены!

– Я знаю, что не ты, – ответил Вершин. – Сними с них наручники.

– Есть, камрад-полковник! Одну секунду!

Рыжий стал возиться с оковами, и первый же освобожденный узник, а это был Ральф Хильке, с рычанием набросился на другого охранника, носатого здоровяка. Он вцепился обидчику в горло и повалил его на пол. Носатый попытался вывернуться, но на помощь Хильке пришли Сайд и Бунзен.

Найджел оттащил их вовремя – еще немного, и они забили бы несчастного до смерти. Остальные тюремщики стояли, прижавшись к стенам коридора, и даже не пытались воспользоваться своим оружием.

– Ладно, хватит, ребята, – скомандовал Найджел. – Давайте на судно. А вы, – он ткнул в жмущихся по стенам охранников, – живо тащите нам еду с вашего склада. Это распоряжение самого высокого начальства. И не забудьте привести врача для этого лейтенанта. Кажется, я слишком сильно его приложил...

Когда все ходячие охранники умчались, Вершин перешел на уиндер и застал своих матросов за разборкой располосованных на ленты вещей.

– Посмотрите, хозяин, что эти гады сделали! – потрясая тряпками, завопил Абу Сайд. – Одежду порвали, все остальное вытрясли или утащили с собой.

– Ничего, ребята, они нам сейчас все возместят, уж будьте уверены. Может, кому врач нужен? Кости целы?

– А хрен его знает. – Бунзен поморщился, ощупывая свои ребра. – Но главное, ботинок у нас нет. Неловко без обуви, капитан...

В дверь переходного шлюза постучали, и Вершин пошел открывать. На этот раз пришли солдаты из службы материального обеспечения, а вместе с ними полковник Либерман.

– Принесли вам вещевое довольствие, дружище. – Он помахал рукой, тактично не замечая лежащих в луже крови лейтенанта и охранника.

Найджел посторонился, и солдаты перенесли на борт консервы, напитки, табак, а также хлопковое и шерстяное обмундирование лучшего качества, которое полагалось только камрадам высокого ранга.

– Ну вот, вещички, кажется, вернули, – подходя к Вершину, изрек Либерман. – А это в качестве погашения моральных издержек.

С этими словами полковник передал Вершину карточку на пятьдесят тысяч кредитов. Тот взял подарок и, повертев, спрятал в карман. Карточка была с лимитом разового снятия денег, из чего выходило, что за ним собирались приглядывать, отслеживая платежи. Впрочем, этот трюк был Вершину известен, и он знал несколько способов, как снять все деньги разом.

– Одежда, извините, только военная, но если вы подождете, то мы за несколько часов добудем вам гражданскую, – предложил Либерман.

– Не нужно, обмундирование вполне добротное.

– Я знал, что вы не откажетесь. – Либерман улыбнулся. – Куда сейчас рванете?

– Еще не знаю. Возможно, туда, где больше народу, – чтобы затеряться.

– На Онслейм?

– Возможно, на Онслейм.

– Эх, завидую я вам. – Либерман вздохнул и посмотрел в потолок. – Море, девочки, контрабандные товары и порнографические фильмы. А тут ежедневное служение отечеству и оплоту демократии в условиях жесточайшей ответственности.

Лицо полковника сморщилось, казалось, он вот-вот пустит слезу. Но вот Либерман неловко повернулся, и замаскированный под булавку для галстука микрофон упал ему на живот.

– Оп, неприятность, – смущенно улыбнулся он и сунул микрофон за пазуху. – Каждый день такие неприятности. Вон, третьего дня важный свидетель Гуго Брант разбился вдребезги, упав с койки.

Вершин удивленно поднял брови.

– Да-да, не удивляйтесь, соленоиды в полу старые, особенно здесь, в тюремной зоне. Гравитационные распределители тоже нуждаются в ремонте. Вот в камере несчастного Гуго и образовался пик гравитации в 40 g. Он скатился с кровати и рухнул, как с тридцатиметровой высоты.

– Уверен, что это временное невезение, камрад. Все у тебя обязательно наладится.

– Хорошо бы.

– Я уверен. – И Вершин похлопал Либермана по плечу.

21

За «Саратогой» увязались несколько штурмовиков, якобы провожающих, но уиндер прибавил тяги и уверенно оторвался от этих хулиганов.

Бунзен привычно сидел у штурвала, Хильке разбирался с полученными консервами, а Сайд срезал с одежды все бирки с упоминанием Треугольника. В других местах за такие нашивки можно было запросто получить по морде, а этого никому не хотелось. Получили с избытком.

«Ну вот, еще немного, – подумал Вершин, – и можно будет сказать, что ногу в дверь мы уже просунули». Теперь ему следовало поскорее получить наличные деньги и избавиться от «Саратог», поменяв ее на другое судно, поскольку на борту уже наверняка имелась масса жучков и радиомаяков – это ведь проще простого.

После смены судна надлежало сходить на встречу и получить препарат «FOG-7» – тот самый наркотик, который привел в такой восторг технолога Банкока. «FOG-7» еще не был известен в этом мире, хотя наркотиками здешних аборигенов удивить было трудно. Через пятьдесят лет они бы все равно синтезировали его сами, а так Вершин мог извлечь из этой отравы какую-то пользу.

Неожиданно нос Найджела уловил запах жареного мяса. Оказалось, что Ральф Хильке уже всюю хозяйничает на крохотном камбузе, разогревает трофейные консервы.

Абу Сайд успел посрезать бирки со всех комплектов одежды, а Бунзен, не теряя времени, заново тарировал приборы, справедливо полагая, что хозяйничавшие здесь охранники могли посягать на все настройки.

«А ребята у меня хорошие», – подумал Вершин. Людей он подбирал наобум, однако же команда сложилась. Впрочем, Вершин знал, что, потребуй того обстоятельства, он избавится ото всех. В игре, в которую он играл, правила были очень жесткие, и любой пустяк мог обратиться в стрельбу в упор или в быстрый удар ножа.

– Всем можно идти кушать! – позвал Хильке. – Бунзен, тебе туда принести или подменить на полчаса?

– Подменять не нужно, принесите в номер, – отозвался рулевой.

Наложив на тарелку мяса с маринованными овощами, Хильке понес ее Бунзену.

– Ты сам-то хоть пробовал? – поинтересовался тот.

– Обижаешь, приятель. Я лучший кулинар на этом судне. И потом, у меня сегодня личный праздник, а в праздники я готовлю особенно хорошо.

– А что за праздник? – спросил Вершин, устраиваясь у небольшого стола.

– Я думал, что мне выбили три зуба, сэр, а оказалось, что только один и еще один шатается. Но он закрепится, это я знаю точно.

– Ну, насчет зубов, Ральф, не беспокойся. Работу стоматолога я оплачу отдельно.

– Спасибо, сэр. Но это большие деньги...

– А поточнее?

– Полторы тысячи кредитов, не меньше.

– Без проблем. Ребята извинились и выдали нам пятьдесят тысяч за моральный ущерб. – Найджел достал карточку: – Вот.

– Обходительные люди, – усмехнулся Хильке. – Нам с ними еще придется встречаться?

– Придется, и не раз, но уже иначе. Это я вам обещаю.

22

У Колина Дзефирелли выдалась свободная неделя. Звучало это совершенно неправдоподобно, к тому же она не была свободной в привычном смысле слова. Просто так сложились дела, что свободный агент завис на Онслейме, в городе Сан-Билинстер, который, ко всему прочему, был известным курортом.

Здесь имелось все: массажные кабинеты, озонарии, медовые маски и минеральные воды, доброжелательный персонал, проститутки под видом санитарок и отличные вина из винограда, вызревающего на южных склонах.

Целая неделя, но кто бы знал, сколько минут из этой недели посвящались отдыху.

Онслейм являлся наилучшим местом встреч с множеством информаторов и связных. Следить за ними здесь было труднее, по крайней мере для тех, против кого Дзефирелли воевал.

Третья, более могущественная сила смотрела на его маленькую охоту словно лев на муху, ползающую по гриве. Однако сам Колин ни на минуту не забывал о тех, кто держал его за болвана. Он знал, что не может тягаться с ними в открытую, но бы уверен, что полновластие Неведомого Контролера не вечно. Придет время, и у него появится достойный противник.

Тут Дзефирелли ничего не выдумывал, у него было достаточно времени, чтобы изучить сыскное дело досконально. А его закон гласил, что нельзя быть охотником вечно. Приходит время, и ты начинаешь убегать.

– Прошу прощения, сэр, но вы опоздали на грязевые процедуры, – сообщила Мелисса, девушка с чудесными раскосыми глазами и ямочками на щеках. Дзефирелли завербовал ее только вчера, она была нужна ему как информатор, работающий в одном из самых больших отелей-здравниц города. Мелисса ведала медицинскими досье и курировала назначение постоянным пациентам процедур, а также графики их проведения.

Дзефирелли решил привлечь ее к своей тайной империи, когда совершенно неожиданно для себя вдруг принялся ей рассказывать, как в шестнадцать лет поймал триппер от подружки из портового района.

Собственно, никакого триппера он не ловил, но желание рассказать девушке что-то значительное заставило его придумать на ходу эту историю с начала до конца. Мелисса внушала окружающим симпатию, располагала к откровенности, и Колин подумал, что такая особа может быть ему полезна.

– У вас сейчас должен проходить криомассаж, а потом пиявочки...

– Простите меня, Мелисса. Я немного задремал на солнце, и в этом все дело...

От стены отделился человек из охраны Дзефирелли, но Колин дал ему знак, чтобы тот не беспокоился. Ситуацию с Мелиссой он контролировал сам. Впрочем, Туранж, так звали охранника, на всякий случай держал руку у пояса, где под полкой пиджака скрывался пистолет с электронным спуском.

Вчера в его босса стреляли. И хотя Туранж вовремя прикрыл Дзефирелли собственным телом, его не оставляло чувство, что это покушение не последнее.

Снизу позвонили. Туранж что-то ответил и через мгновение доложил:

– Это Деррик, сэр.

– Хорошо, – кивнул Колин. Он посмотрел на Мелиссу: – Идите, птичка моя. На пиявочки я обязательно буду. Я столько о них слышал, что просто не смогу отказаться от такого удовольствия.

Мелисса ушла, и через минуту в номер вошел Деррик.

– На пол, – скомандовал ему Туранж. Из соседней комнаты вышли еще четверо телохранителей.

Деррика обыскали, затем опросили, и он ответил отзывами на все пароли. Это был настоящий Деррик.

– Поднимайтесь, дружище, – сказал ему Дзефирелли. – К сожалению, до вас мы уже ликвидировали трех Дерриков. Где-то произошла утечка информации о нашей встрече.

– Эй, ты чего такой бледный? – спросил Деррика Туранж.

– Я ранен, – ответил тот совсем тихо. Было видно, что парень теряет силы. Он даже не пытался подняться с пола.

Заметив неладное, Дзефирелли лег рядом с раненым и стал выслушивать его длинное сообщение.

Связной говорил долго – минут сорок. Но с каждой минутой его дыхание становилось все более прерывистым, а голос слабел. Последние слова он произнес почти неслышно, напрягаясь всем телом.

Он умер, не закончив донесение, однако Дзефирелли понял главное. А остальное было уже не так важно.

Он тяжело поднялся с пола и машинально отряхнул брюки. Умерший связной принес весть от агента Жаворонка, который был внедрен на виллу Филиппа Леконта, одного из членов Большой Четверки, на которых охотился Дзефирелли.

Было время, когда Колин связывался с Жаворонком кодированными радиопакетами, но все изменилось, развитие систем перехвата и дешифровки вынудило Дзефирелли вернуться к прежней системе живого слова. Теперь информацию несли курьеры, но каждый из них знал лишь ее часть.

Сложить всю мозаику мог только сам Колин, и Деррик, который принес сведения, заплатив собственной жизнью, был последним недостающим звеном.

Готовый ко всему, Колин тем не менее был чрезвычайно удивлен. Из того, что передал Жаворонка, вытекал только один вывод: боссы Большой Четверки заинтересовались делами контрразведки.

Не прошло и года с того дня, когда был уничтожен Ральф Шендер, человек, который заправлял в контрразведке всеми делами. Правительство и государственные СМИ всячески замалчивали этот факт и говорили о естественных причинах смерти, однако сведения успели просочиться раньше, чем они были блокированы.

Дзефирелли узнал обо всем в числе первых и сразу же связал эти события со своим последним разговором с Ральфом Шендером. Должно быть, парень поспешил и нарвался на неприятности.

Но что же заставило боссов Большой Четверки свернуть свои прибыльные гешефты и переключиться на нынешнего руководителя контрразведки? Как и его предшественник Шендер, Дивар Кевизи был человеком Джакоба Мудли, нынешнего министра обороны, страдающего, по непроверенной информации, манией преследования.

Про Дивара Кевизи ходили слухи, также неподтвержденные, что он чуть ли не трансвестит, однако Дзефирелли этому не верил. Не то чтобы совсем не допускал – жизнь научила его не удивляться самым неожиданным вещам, – но никаких подтверждений у него не было.

Однако какой все это казалось жалкой возней на фоне безупречного надзора со стороны Неведомого Контролера. И чем дальше, тем больше Дзефирелли понимал и представлял себе эту структуру. Даже их главного человека, если это вообще был человек.

«Что-то они сделали с моим крестником Ником Ламбертом», – подумал Колин. За свою долгую карьеру он пожертвовал десятками лучших друзей-соратников и подставил сотни своих собственных агентов, но Ламберта было жаль особенно. Наверное, потому что его забрали, не поинтересовавшись мнением самого Дзефирелли.

– Что с ним делать, сэр? – уже в который раз спросил Туранж.

– Что? Ах, с этим? – Колин рассеянно посмотрел на труп курьера. – Спустите его к остальным, в подвал. И вообще, ребята, нужно собираться. Сегодня вечером мы уезжаем.

23

Прошли еще три долгих месяца трудной учебы. Нику уже казалось, что он и не жил никогда другой жизнью. Большие нагрузки и отработанные методы быстрого обучения превращали человека в некий автомат, желающий мышечной усталости в конце дня и все новых и новых знаний.

Помимо тренинга с захватом судов противника курсанты вплотную занимались всеми видами ближнего боя, начиная с рукопашных схваток и кончая применением фаеркопов.

А на специальных тренажерах они отрабатывали удары своими знаменитыми ножами.

У сержанта Поджерса это получалось очень просто, лезвие его клинка с кажущейся легкостью прошивало восьмимиллиметровый панцирь. Ник же, сколько ни старался, только вышибал искры, а один раз даже сломал нож.

– Сила у вас уже есть, – в минуты отдыха пояснял им сержант, – осталось добавить немножко концентрации. Вот так! – И он снова всаживал нож в стальную пластину, на зависть взмокшим от пота курсантам. – Давайте, ребята! Сделайте, как я, и помните – вам нужна концентрация.

И снова раздавался звон, и сталь била о сталь. Три дня подряд после основной учебной программы рота тем только и занималась, что ломала ножи, но потом у некоторых стало получаться. В том числе и у Ника.

Затем пришло новое «увлечение»: теперь после ужина, когда любой мог почитать книгу или посмотреть интересный фильм, будущие «корсары» снова шли в тир и до самого отбоя осваивали стрельбу из спеллера, штатного оружия, размещенного на правой руке.

Спеллер стрелял металлическими стрелами, оснащенными наконечниками из слоистого ферритита, что обеспечивало снаряду прохождение через стальную защиту. Удар такой стрелы выдерживала не каждая кираса, а легкость прицеливания спеллера давала преимущество в быстром и плотном штурмовом бою.

Проблема была только в пуске. Следовало отработать легкий полуповорот кисти, высвобождавший из спеллера очередную стрелу.

Теперь даже сержант Поджерс ради дополнительных занятий для своих курсантов не уходил домой. Он казался каким-то фокусником, поскольку спеллер на его руке легко выдавал стрелу за стрелой, и Ник был готов спорить с кем угодно, что кисть Поджерса почти не двигалась.

Несмотря на загруженность учебой, Ник Ламберт находил время и для походов в зону «С». Соня Арагон регулярно посылала ему пропуска, и Поджерс этому не препятствовал.

– Порадуйся, парень, пока есть такая возможность, – говорил он. – Солдатский век бывает коротким.

Ник соглашался с сержантом. Соня нравилась ему все больше, и, если бы не тяжелейшие тренировки, его романтическое увлечение легко заслонило бы собой весь окружающий мир. Ник мог бы стать подкаблучником, однако его спасало строгое учебное расписание.

В одно из последних свиданий Соня сказала, что скоро их перебросят на фронт.

– Когда? – поинтересовался Ник.

– Возможно, уже через неделю.

– Как жаль, – огорчился он.

– Да брось ты. Я тут уже закисло в этих коттеджах. Смотришь на цветочки и знаешь, что уготованного не избежать. Я переучилась на новую машину, теперь могу дать урайцам прикурить.

– А мы на месяц уезжаем в лагерь. Почти в прифронтовую зону.

– Это еще зачем?

– Там болота глубокие и лесная чаща. Здесь таких условий не найти.

24

Попрощаться с Соней Нику так и не удалось. Глубокой ночью его учебную роту погрузили на военные вертолеты и переправили в порт. Никто даже не успел ничего понять.

Там, среди грохота и шума, они пробыли еще два часа, ожидая, когда привезут амуницию и оружие. В небо поминутно уходили новые корабли, а курсанты сидели, сбившись в кучу, и гадали, в чем причина такой спешки.

Ситуацию прояснил сержант Поджерс, который прибыл вместе с грузовыми карами.

– На Приндизи высадился десант урайцев. Не думаю, что это очень серьезно, скорее разведка боем. Поэтому решено бросить на них несколько учебных подразделений. Вы уже не те малыши, что были вначале, поэтому вызывать другие резервы не имеет смысла. Какие вопросы?

– На чем нас туда отправят, сэр? – поинтересовался Ник.

– Скорее всего, это будет штабной корабль – нам как раз по пути. Если вопросов больше нет, начинайте разгрузку каров и не создавайте толчею.

Вместе с остальными курсантами Ник Ламберт встал в цепочку, и началась разгрузка. Тяжелая броня, штатные «МС» и штурмовые «спайдеры», фаеркопы, медицинские наборы, патроны и продуктовые пайки – все это раскладывалось на бетоне, комплект за комплектом, в длинные ряды.

Наконец сержант дал команду собирать свои пожитки.

Дело это было непростое, поскольку на каждого человека пришлось по сто с лишним килограммов имущества.

Отягощенные этим грузом, курсанты снова построились, терпеливо ожидая, когда Поджерс подаст новую команду.

– Вон то судно, ребята, и есть наш транспорт. Так что не в ногу шагом марш...

– А он шутник, наш сержант, – заметил шедший рядом с Ником Дино Фронтер. – Раз решил идти не в ногу.

– Главное, что он с нами, – ответил Ник. После того случая с фальшивыми агентами СИБ они с Поджерсом сдружились, и, когда инструктор был рядом, Ник чувствовал себя намного увереннее.

В свете прожекторов колонна курсантов приблизилась к судну и стала взбираться по наклонным трапам.

В нос ударил запах технических жидкостей – видимо, заправка корабля производилась в спешке.

– Проходите сюда! – скомандовал человек в форме общевойскового сопровождения.

Это «проходите сюда» казалось таким странным. За год обучения курсанты больше привыкли к команде «марш».

Вскоре движение застопорилось – навьюченные поклажей люди с трудом протискивались сквозь узкие коридорчики. На этом корабле, не приспособленном для перевозки десанта, все казалось слишком маломерным.

И даже галюнные унитазы, как вскоре удалось выяснить курсантам.

Их жилищем на ближайшие трое суток стало голое, неуютное помещение, получившееся в результате демонтажа перегородок между тремя операционными залами. Оставшееся оборудование и сами металлические перегородки были сложены тут же.

– Никто не говорил, что вас ждут номера люкс, – с улыбкой объявил Поджерс. – Самое главное, что здесь есть вода и два галюна, а еда у нас своя – на целую неделю.

На судне запустили двигатели, и сержант умолк, устроившись в углу.

Скоро состоялся старт, и многие по уже приобретенной привычке постарались выбрать наиболее устойчивое положение, ожидая удара о корпус атакуемого судна; несмотря на незаконченный курс обучения, штабной корабль вез полный трюм настоящих абордажиров.

Через полчаса атмосфера Басильера осталась далеко позади, и курсанты стали засыпать. По усвоенному солдатскому правилу они ни минуты не собирались терять даром.

Только Нику почему-то не спалось. Он долго смотрел в иллюминатор, наблюдая беспокойный космос. Движение судов за бортом штабного корабля не прекращалось ни на мгновение. Едва только военный крейсер превращался в далекую звездочку, как появлялась группа грузовых кораблей. А следом за ней деловой стайкой проносились пограничные рейдеры... и так все время.

Когда наскучило смотреть в иллюминатор, Ник покинул тесное помещение и вышел в галерею. Затем, без особой нужды, посетил туалет, исследовал крохотные душевые кабинки и наведалься в ту часть корабля, где обитали «местные».

– Эй, разве вы не знаете, что вам заходить сюда запрещено? – строго спросил человек, появившийся из регенерационной будки. Когда он подошел ближе, Ник в тусклом свете дежурного освещения рассмотрел капитанские погоны.

– Прошу прощения, сэр, – извинился он и замер по стойке «смирно».

– Да ладно, – махнул рукой офицер. – Курите?

– Нет, сэр.

– А я закурю.

Капитан достал сигареты и, задумчиво посмотрев на пачку, убрал ее обратно в карман.

– Как вы думаете, рядовой, сколько мы еще сможем сопротивляться?

– Я не понял вопроса, сэр.

– Ну, сколько? Двадцать лет, а то, может, какие-нибудь десять, а?

– Вообще-то, сэр, в мои планы входит выбросить урайцев с наших планет, – честно признался Ник Ламберт. На этот счет у него не было никаких сомнений. Следовало только собраться с силами и врезаться как следует.

– Вы, «корсары», не только отлично воюете. Вы еще заряжены таким оптимизмом, что... Что хочется жить назло этим урайским собакам, – произнес капитан с некоторой долей удивления.

25

Весь следующий день рота занималась изучением материальной части. Поскольку не было никакой возможности бегать, прыгать и стрелять, Поджерс заставил курсантов бесконечно разбирать оружие, закидывать его на ремень и так далее. Потом поприседали, но кислород в помещении стал быстро сгорать, пришлось прекратить физические упражнения.

– Ладно, – махнул рукой Поджерс. – Можете дрыхнуть дальше, лентяи.

Едва сержант вышел по собственным надобностям, в помещении, словно из ниоткуда, появились банки с пивом и журналы с голыми девицами. Ника пригласили сыграть в карты.

Впрочем, игра курсантам быстро наскучила, и в преддверии скорых боев они стали вспоминать родные места и по очереди рассказывать, где и как они жили.

Ника это совсем не устраивало. Своей «родной» планеты, Хиллапа, он почти не знал и в фермерском деле ничего не смыслил, хотя, по легенде, его отец и был фермером.

Выйдя из общего зала, Ник стал прогуливаться по галерее. Здесь было прохладнее и воздух оказался заметно чище. Следом за ним вышли Теодор Шихт и Джонни Бигфут.

Все трое присели возле стены. Вынужденное безделье тяготило.

– Завтра еще один день, а ночью мы уже будем на Приндизи, – сказал Теодор. – И дальше настоящая война. Без прикрытия...

– Почему думаешь, что без прикрытия? – поинтересовался Ник.

– Там лес очень частый, никакие роботы не пройдут. Авиация не поможет по той же причине – невозможно отделить своих от чужих.

– Да ладно тебе болтать, Тео, – вмешался Джонни Бигфут. – Никто нас не бросит в бой без прикрытия, к тому же лучшим прикрытием я посчитал бы сержанта Поджерса.

– Точно, – согласился Ник. – Если Поджерс будет рядом, никакой авиации нам не нужно.

– А если там еще окажется Соня, – улыбнулся Теодор, – твоё прикрытие будет полным. Как называются их новые машины?

– «Шрайк», – нехотя ответил Ник. Ему не особенно нравилось подпускать посторонних к своему личному. Однако в учебной роте, напротив, похождения каждого курсанта считались общим достоянием, и каждый, кто имел счастье уходить куда-то по ночам, был обязан отчитываться перед остававшимися в казарме.

Как? С кем? На что это похоже? Вопросы могли задаваться до бесконечности. Ради этих допросов Ник выдумывал специальные рассказы, которые, впрочем, пользовались неизменным успехом.

– Да, эти «Шрайки» страшная сила, – произнес Бигфут.

– Эй, идите скорее сюда! Сюда! – закричали из зала, и все, кто был в коридоре, поспешили в общее помещение, где уже вся рота прилипла носами к иллюминаторам. Нику, Теодору и Джону пришлось отвоевать себе одно из окон, чтобы увидеть то, ради чего их сюда звали.

Это был длинный караван, который двигался мимо. Он состоял из сотен изувеченных кораблей, готовых для отправки в плавильные печи.

Изуродованные корпуса артиллерийских крейсеров с почерневшими ранами на месте вырванных с корнем орудийных башен.

Авианесущие суда со смятыми палубами и скрученными в жгуты навигационными настройками. Кое-где на их поверхности оставались разможенные корпуса истребителей, вбитые чудовищными взрывами в технологические ниши и перезарядные ангары.

Десантные суда были похожи на хищных рыб с разорванными пастями. Это были корабли самой большой вместимости, и нетрудно было догадаться, что десятки тысяч солдат погибли в них, еще не начав боевые действия.

Направляемые маленькими буксирами, корабли шли вереницей, которая, казалось, никогда не кончится. Впрочем, скоро они оказались далеко позади, и курсанты, приходя в себя после тяжкого зрелища, начали обсуждать увиденное.

– Вот такая она, война, – угрюмо заметил Теодор.

– Да ладно тебе, – оборвал его Бигфут. – Урайцы тоже несут немалые потери. Может быть, даже большие, чем мы, поскольку все время наступают.

– Они наступают, а мы отступаем, – обронил подошедший Дино Фронтер.

– Это не будет продолжаться бесконечно, – неожиданно заявил Ник. Все удивленно на него уставились.

– Почему ты так думаешь? – спросил Дино.

– Потому что планеты мало захватить, нужно еще сделать их полностью лояльными.

– На многих захваченных урайцами планетах население соглашается с новой властью, – заметил Теодор.

– Население – это одно, а скрывающиеся на тайных базах солдаты – совсем другое.

– Ты много знаешь о тайных базах, Ник? – заинтересовался Бигфут.

– Кое-что слышал, – ответил Ник. Рассказать о боях на Вудстоке он не мог, поэтому говорил только намеками. – Одним словом, – продолжал он, – фронт нуждается в постоянном снабжении, но доставлять все необходимое из далеких тылов невозможно. Нужны близлежащие территории и перевалочные базы. А вот их-то у урайцев становится все меньше, а захваченных миров, на которых они стоят весьма шатко, все больше. Кончится тем, что вся их сила будет затрачиваться только на наведение порядка на захваченных территориях.

– Ты говоришь как инструктор министерства пропаганды, – сказал Дино.

– Нет, ребята, Ламберт говорит дело, – вступился за Ника Бигфут. – Он говорит очевидные вещи. Лично я ему верю.

26

Очередная ночь прошла благополучно. Курсанты отлично выспались на надувных матрасах и, позавтракав не слишком вкусными, но питательными концентратами, занялись уже знакомым ничегонеделанием. Лишь после обеда появилось новое развлечение: в районе, через который проходил штабной корабль, обнаружилось чрезмерное скопление судов.

В основном здесь были рейдеры и истребительная авиация, которые двигались следом за «лопоухими» станциями общей разведки. Подобные боевые группы просеивали пространство в разных направлениях, и не требовалось особого ума, чтобы понять – здесь кого-то ищут.

Сержант Поджерс вышел из помещения и отсутствовал минут десять. Вернувшись, он объявил:

– Внимание! В данном районе был замечен вражеский корабль типа «спрут». Отсюда такой переполох. Курсант Фронтер, что представляет собой «спрут»?

– Абордажное судно, сэр, – ответил Дино.

– Это все, что вы можете мне ответить?

– «Спрут» имеет четыре восьмиколечных захвата, два режущих штампа и сто двадцать человек штурмовой команды...

– Ну а самое главное, курсант Фронтер?

– Э-э... – Дино наморщил лоб. – Он невидим, сэр! Обладает совершенной системой электромагнитной и оптической маскировки.

– Очень невнятно, курсант Фронтер. Очень невнятно...

Сержант вздохнул и указал рукой на Энрике Мальцева:

– Курсант Мальцев, в случае нападения на наш корабль, какую бы вы избрали тактику?

– На наш корабль? – удивился Энрике. – Но почему?

– Детский сад. – Сержант невесело усмехнулся. – Почему? Да хотя бы потому, что мы летим на штабном корабле, а подобные суда являются для «спрутов» самой желанной добычей. Минимум неприятностей и максимум секретной информации, которой штабные суда набиты под завязку.

– Можно сделать засаду, сэр. У нас с собой «МС», а стало быть, преимущество в огневой мощи. Обложить пробоины со всех сторон и уничтожить всех, кто появится.

– Это неплохая тактика, Мальцев, но представьте, если они выставят пару штурмовых роботов, подобных тем, что так любят наши корсаровские абордажиры. Пока что о применении такой техники со стороны противника мы не слышали, но урайцы талантливые ученики, они перенимают все наши методы и средства ведения войны. Таким образом, если они пропихнут к нам на борт роботов, а потом проникнут сюда под их прикрытием, здесь начнется форменная свалка... Какие еще будут предложения?

– Можно рассредоточиться по судну, сэр, – предложил Джонни Бигфут. – Мы же прекрасно знаем, куда они побегут в первую очередь. А поскольку противник не ожидает встретить здесь гарнизон, наше нападение будет эффективным.

– Уже немножечко больше мыслей, однако в обоих случаях мы получаем жесткое боевое столкновение на своем корабле. Активное применение наших «МС» превратит наше судно в решето, так что это будет равносильно самоубийству.

– Еще есть предложения? – Поджерс обвел взглядом растерянных курсантов и наконец заметил нерешительное движение Ника. – Ну-ну, курсант Ламберт, выкладывай.

– Да я даже не знаю, сэр... – замялся Ник.

– Давай, может, твоя идея спасет нам жизнь. – Поджерс усмехнулся и следом за ним засмеялось несколько человек. Сержант поднял руку, и стало тихо.

– Думаю, сэр, нужно вести бой на чужой территории, а для этого требуется сорвать атаку вражеского десанта.

– Так, – кивнул Поджерс. – А каким образом?

– Для начала нужно узнать, на каком из бортов будет атака. Потом встать двум группам по три-четыре человека напротив четвертой и девятой стойки, поскольку это судно имеет двенадцать стоек, а режут обычно симметрично и между стойками.

– Правильно, дальше, – кивнул довольный Поджерс.

– Как только штампы высекут в бортах отверстия, нужно сразу туда врываться и косить урайцев налево и направо, пока они этого еще не ожидают...

Ник замолчал, и все стали ждать, как Поджерс оценит этот план.

– Ну что же, – заговорил наконец сержант. – Если твоя голова и дальше будет варить точно так же, я бы в будущем не отказался служить под командой лейтенанта Ламберта... – Но это еще не все, – выдержав паузу, добавил Поджерс. – В группах, которые будут ждать удара штампов, должно быть не более трех человек, иначе будет давка. И потом, вооружены они должны быть штурмовыми «спайдерами» – по одному в каждую руку. Патронов для них у нас немного, поэтому остальные будут тащить за собой «МС». Ведь на территории противника можно не осторожничать... Ну а теперь необходимо закрепить выработанную нашими совместными усилиями тактику, – многообещающе произнес сержант. – Р-рота! Боевая тревога! Экипировка полная!

И тут началось такое, что уже через минуту примчался один из штабных офицеров.

– Мы думали, здесь пневмомагистралей пообрывало! – испуганно воскликнул он, глядя на замерший строй «корсаров», закованных в черную броню.

– Прошу прощения, сэр, – отозвался Поджерс, поднимая забрало. – Небольшой тренинг.

– Понимаю. – Офицер кивнул и, медленно повернувшись, ушел, а сержант с недовольным видом посмотрел на курсантов: – Медленно, очень медленно. Если бы мы были дома, я с удовольствием бы позанимался с вами еще. А пока на этом закончим.

Многие облегченно вздохнули, решив, что теперь можно и передохнуть, однако Поджерс имел в виду совсем другое.

– Курсанты Риппс и Хайнике! Идите на правый борт. Будете там наблюдателями. В случае появления вражеского корабля немедленно сообщать по радио – внутри судна оно работает. Вперед! – Наблюдатели убежали.

– Теперь, – снова заговорил сержант, – Чивас, Бах и Ламберт – первая тройка. Байль, Эльроссе и Розовски – вторая. Ламберт и Розовски командиры. Немедленно забирайте «спайдеры» – по два на каждого. Не забывайте, как правильно располагать под рукой сменные магазины. – Сержант помедлил, припоминая, все ли он сказал. – И, конечно, фаеркопы. Помните, что помимо пехотинцев вам могут оказать сопротивление штурмовые роботы, а их пульей не сваляешь. Если все понятно, идите снаряжайтесь.

– У меня вопрос, сэр, – поднял руку Энрике Мальцев.

– Ну?

– Вы так серьезно обо всем говорите, что... Одним словом, сэр, нам что, действительно угрожает нападение?

– На войне нападение угрожает всем и все время. Поэтому расслабляться я никому не советую. – Поджерс строго оглядел притихших курсантов и, погрозив пальцем, повторил: – Никому не советую.

– Относительно формы, сэр. На наших шевронах нет надписи «курсант». Только буква «К».

– Это всего лишь ошибка интендантской службы, но ошибка эта символична.

27

Абордажный охотник «Маньес», судно класса «спрут», медленно дрейфовал в гравитационном потоке. На корабле соблюдали режим абсолютного молчания, поскольку за самим охотником крались специально натасканные на поиск невидимок разведывательные станции.

Временами они проходили достаточно близко, но сверхсовременные технологии надежно укрывали «Маньес» от чутких антенн слухачей-разведчиков.

Невидимость эта давалась экипажу очень нелегко. Все внутренние системы жизнеобеспечения работали с минимальной нагрузкой, оттого вода слегка горчила, а воздух казался липким и им трудно было надышаться. Люди сидели без движения, обливаясь в духоте потом и безучастно глядя перед собой. Каждый мечтал только об одном – о глотке обогащенного кислородом воздуха и стаканчике несоленой воды. Это мучение продолжалось вторые сутки, и все это время «Маньес» был неподвижен, боясь легким колебанием обратить на себя внимание упрямых слухачей.

Медленно передвигаясь вместе с гравитационным течением, он мог бы покинуть район поиска уже через двадцать часов. Но как пережить это время?

– Поток сносит нас к Приндизи, – сообщил штурман капитану «Маньеса» майору Крушеру.

– Ничего страшного, – ответил майор. – Возле Приндизи оживленное движение – там им нас не услышать.

Капитан посмотрел на показания приборов и вздохнул. Он был заядлым курильщиком, но уже вторые сутки не мог позволить себе выкурить ни одной сигареты. Воздух и так напоминал желе.

Даже офицеры-урайцы, которые хорошо себя чувствовали во влажной духоте, и то выглядели больными, а их серая кожа казалась слишком бледной.

– С направления 2—487—28 приближается очередная группа пеленгации, – отметил лейтенант-локаторщик. Вся активная аппаратура была отключена, и он пользовался только слабосильными пассивными радарам.

Сигнал, отмечавший приближение противника, становился все громче. Казалось, станция и шедшие за ней рейдеры вот-вот протаранят «Маньес», однако группа прошла мимо.

Все облегченно вздохнули. У судна появилась новая передышка.

– Прошу прощения, сэр, – раздался голос позади капитана, и тот обернулся. Перед ним стоял командир абордажной команды майор Фришер. – Прошу прощения, сэр, – еще раз повторил он. – Моим людям нужен кислород, они должны быть в полной готовности, а какая готовность, если дышишь таким дерьмом?

– Что же я могу для вас сделать?

– Разрешите нам воспользоваться кислородом из неприкосновенного запаса.

– Но этот кислород необходим для чрезвычайных ситуаций, – возразил Крушер.

– Сейчас и есть эта самая ситуация, сэр. Если мои солдаты заболеют, мы не сможем выполнить боевую задачу. Зачем тогда вообще нужен наш «спрут»?

Капитан мгновение помолчал, потом согласно кивнул. В этой духоте у него не было сил сопротивляться, к тому же Фришер говорил разумные вещи – «Маньес» находился здесь только ради нападения.

– Хорошо, майор, можете взять кислород из НЗ. Если нам удастся все это пережить, мы сумеем заправить баллоны.

– Сэр! Сэр!!! – завопил вдруг локаторщик. – Кажется, они уходят! Нет, они точно уходят!

Не удержавшись, капитан подбежал к экрану и с недоверием проследил движение пеленгационных групп. Примары действительно уходили. Возможно, они еще пройдут на месте

прежнего пребывания «Маньеса», но, судя по всему, здешний район показался им бесперспективным.

– Ждем пять минут и, если они не возвратятся, включаем регенерацию воздушной смеси на полную мощность, – объявил капитан торжественным тоном.

– Сэр, тогда мы повременим с НЗ, – с улыбкой сказал Фришер.

– Конечно, майор! Пусть ваши ребята подождут еще пару минут.

28

Фришер еще не дошел до помещений, где располагался десант, когда по всему кораблю начали включаться вентиляционные системы и вязкий воздух пошел к теплообменным трубкам.

Своих солдат майор нашел в большом оживлении. Эти люди снова становились боевыми единицами, хотя еще несколько минут назад выглядели не опаснее дождевых червей.

– Кажется, душегубка отменяется, – с улыбкой сказал майору капрал Берг.

– Точно, парень, примары ушли, решили, что нас здесь действительно нет! – громко объявил майор, и все рассмеялись.

– Должен ли я спрашивать о наличии больных? – спросил Фришер.

– Нет, сэр. Теперь даже полумертвые встанут в строй, – пообещал Берг.

Из коридора в жилое помещение вошел рядовой Вэнс.

– В гальюне снова пахнет гвоздикой! – радостно сообщил он, и все его поняли. Во время режима молчания из нужника исходил тяжелый запах, однако теперь все налаживалось.

Фришер отошел к стене и расслабленно замер, с удовольствием наблюдая за своим детищем – одной из самых лучших во флоте Урайи абордажных команд. Почти все вооружение и методики захвата судов были скопированы с примарских аналогов, в частности, с «корсаров». Ведь противник, чего нельзя было не признать, в абордажных битвах был законодателем моды, и урайцам оставалось лишь от этой моды не отставать.

Фришер и не отставал. У него было два штурмовых робота и сто двадцать натренированных бойцов, которые не боялись никого и ничего. К огорчению майора, им пока не удалось сшибиться с настоящими «корсарами», однако на счету команды, помимо немалого числа штабных и связных кораблей, был штурм интендантской базы отряда «Барракуда». Тогда удалось перебить двадцать восемь примарских спецназовцев, не потеряв ни одного из своих людей.

Правда, «барракуды» были не столь мощны, как «корсары», и их броня оказалась непригодной к штурмовым пулям урайских абордажиров. Тем не менее эта победа прибавила уверенности его солдатам, они поняли, что могут бить элиту примарских войск.

– Майор Фришер, вас вызывают в капитанскую рубку, – объявили по громкой связи.

– Я пошел, – сказал майор капралу Бергу. – Проследи, чтобы ребята приняли таблетки.

– Хорошо, сэр. Обязательно прослежу, – пообещал капрал, который полностью разделял беспокойство Фришера за здоровье личного состава. В абордажной группе были одни только янычары, однако и им требовались витамины и всякие полезные микроэлементы. Берг не очень в этом разбирался, но распоряжение майора Фришера было для него выше всех законов.

Когда майор снова оказался в рубке, капитан «Маньеса» не дал ему сказать и слова.

– Скорее идите сюда и посмотрите на этот подарок, – торопливо проговорил он.

Командир штурмовиков подошел к работавшим уже на полную мощность локаторным панелям и сразу же понял, о каком подарке говорил капитан. Подсвеченный активной аппаратурой обнаружения, к планете Приндизи полным ходом шел штабной корабль примаров.

– Обратите внимание, майор, никакого даже мало-мальски боеспособного сопровождения, – проговорил капитан Крушер и улыбнулся.

– Они находятся у себя дома, в глубоком тылу, – ответил Фришер. – Отсюда и такая беспечность... Сколько у нас времени на подход?

– Сближение начнем немедленно, а бросок произойдет через... Штурман, через сколько мы можем сделать бросок?

– Двадцать три минуты, сэр, – ответил штурман.

– Двадцать три минуты, – повторил Фришер. И с усмешкой добавил: – У нас еще куча времени...

29

Уже через пять минут все сто двадцать человек были построены в длинном коридоре, а майор Фришер, снаряженный, как и все они, в полный комплект штурмовой брони, давал последние указания.

– В общем, ничего нового, ребята. Обычное штабное судно «Б-23». В нем двенадцать стоек, значит, будем резать проходы возле четвертой и девятой. Поскольку судно небольшое, пойдет только сорок человек. А именно – третий взвод. Робота тоже задействуем только одного. Второй пусть будет в резерве. Маловат кораблик, маловат. Зато, надеюсь, набит секретной информацией. Взводный капрал Плиннер!

– Слушаю, сэр!

– Разводите своих людей по местам.

– Есть, сэр!

Чтобы не мешать, майор отошел в сторону, посмотрев на остающихся в резерве солдат, улыбнулся. На их лицах было написано разочарование – всем хотелось поучаствовать в бою.

«Ничего, пусть немножко отдохнут. Теперь, когда все нормализовалось с воздухом, вздремнуть часок будет вовсе не лишним», – подумал заботливый майор.

Между тем третий взвод уже вышел грузиться в переходные камеры, а остальные солдаты расселись прямо на полу в коридоре, доставая сигареты. Они приготовились отбывать свое время в резерве.

– Капрал Берг! Посматривайте тут и будьте на связи.

– Есть, сэр!

– А я пойду к третьему взводу.

Майор всегда лично контролировал процесс высадки на чужие суда, хотя был уверен, что его солдаты смогут проделать всю работу и без него. Опыта у них хватало, и руководство флота ценило эту команду.

Правда, была раньше еще одна хорошая группа, собранная целиком из урайцев, но она нарвалась на «корсаров» где-то в Стране Варваров и полностью погибла. Впрочем, Фришер считал, что его ребята лучше, поскольку являлись настоящими янычарами, прямыми родственниками примаров. Урайцы же были в движениях несколько тяжеловаты. А там, где нет хорошей реакции, особых достижений не жди. Майор слышал, что командос из натуральных урайцев принимали специальные стимуляторы, однако такие способы казались Фришеру малоэффективными.

Когда он заглянул в первую из переходных камер, его штурмовики уже стояли вдоль стен и упирались ногами в опорные рамы, которые защищали солдат при жестком контакте с атакуемым судном.

Этот способ «корсаров» также был взят на вооружение майором Фришером, поскольку давал явные преимущества. При таком ударе на судне-жертве срывались с креплений панели наблюдения, валилась аппаратура, да и личный состав получал множество травм.

Пока все приходили в себя, к ним уже поспевали люди майора Фришера, и все быстро заканчивалось.

– Как чувствует себя «альберти»? – спросил майор у солдата, ответственного за боевого робота. Пока что машина находилась в специальных захватах, которые открывались только после работы режущего штампа.

– Чувствует себя отлично, сэр! – радостно произнес ответственный.

«Альберти», словно поняв, что говорят именно о нем, тускло блеснул сеткой рубиновых глаз и поиграл роторным пулеметом.

– Хорош красавчик, – улыбнулся майор.

- Внимание! – разнеслось по кораблю. – До встречи с объектом четыре минуты.
 - Очень хорошо. – Фришер проверил автомат и опустил забрало. Затем нашел подходящий уступ недалеко от ниши, где крепился «альберти», и занял удобное положение.
 - Три минуты до встречи с объектом.
«Еще слишком долго. Неужели я все еще волнуюсь?»
 - Две минуты до встречи с объектом. – Майор ощупал приготовленные фаеркопы. Они едва ли понадобятся, но на всякий случай Фришер держал эту тяжелую артиллерию поближе. С ней было спокойнее.
 - Одна минута до встречи с объектом. «Ну, сейчас они нас уже видят. О чем будут их последние мысли?»
- Наконец последовал сильный удар, и четыре коленчатых щупальца, за которые корабль и прозвали «спрутом», сомкнулись на теле жертвы.

30

Когда наблюдатели на правом борту увидели проявившегося из темноты «спрута», они заорали так, что их услышали без всякого радио.

Кажется, сержант Поджерс отдал какую-то команду, но Ник его уже не слышал, поскольку несясь по неудобному переходу на правую сторону. На его плече болтались два «спайдера», с грохотом ударяясь о каждый угол, который он огибал.

Когда Ник выскочил к положенному месту возле четвертой стойки, то увидел, что вторая группа уже занимает позиции возле стены, готовясь к жесткому столкновению.

Ник прыгнул на пол, и не успел он упереться ногами в борт, как последовал удар. Бежавшие следом за ним Чивас и Бах вцепились в борт с таким треском, что разбились бы в лепешку, не будь на них армированной брони. Отлетев назад словно бильярдные шары, они попадали на пол, но Ник тут же помог им подняться и подтащил к себе, лихорадочно соображая, не ошибся ли он в подсчете стоек.

– Внимание! – прокричал по радио Поджерс, который уже был неподалеку, и в следующее мгновение слева от Ника с треском вылетел срезанный овал и на мгновение показавшийся штамп сверкнул безупречно острой кромкой.

– Пошли! – скомандовал себе Ник и полез на вражескую территорию.

В переходной камере оказалось темновато. Это делалось для того, чтобы был лучше виден освещенный изнутри пролом. Из-за резкого перехода в сумерки Ник на мгновение запаниковал, однако стоило ему нажать на спусковой крючок, как он явственно увидел солдат, стоявших по обе стороны камеры.

Два «спайдера» в руках Ника извергли длинные факелы и стали сечь врага бронебойными пулями, а следом за ним, не оставляя урайцам ни единого шанса, уже стреляли Чивас и Бах.

Ник быстро пробежал через переходную камеру, но выскочить в коридор не удалось – прямо перед ним, шагнув из ниши, встал боевой робот «альберти». Он мгновенно опознал чужого и вскинул клешню с роторным пулеметом. Ник нырнул вниз и крикнул: «Ложись!» Бах услышал его предупреждение, но Чивасу не повезло. Очередь отшвырнула его обратно к пробоине, и он повалил нескольких пробравшихся в камеру курсантов.

Понимая, что счет идет на доли секунды, Ник сорвал с пояса фаеркоп и почти в упор разрядил его в коленное сочленение робота. Грузная машина качнулась и завалилась на бок, выпустив несколько пуль в потолок.

– Пригнись, Ник! – предупредил кто-то из своих, и тут же сзади ударил «МС». Пули прошли над самой головой Ламберта и сшибли двух появившихся урайцев. Между тем робот, сориентировавшись в новом положении, врезал по Нику роторным пулеметом, отбросив его к стене. Однако Ник сумел пустить в ход еще один фаеркоп, выстрел которого сорвал роботу грудную пластину. Не теряя ни секунды, Ник выхватил нож и со всей силы всадил его в механические внутренности «альберти».

Робот резко дернулся, потом выгнулся дугой и забился в конвульсиях, бешено вращая роторный пулемет и искря управляющими схемами.

– Ламберт!!! Ударь по второй камере с тыла!!! У нас здесь жарко!!! – кричал по радио Поджерс, и до Ника только сейчас дошло, что другой группе проскочить камеру не удалось.

Он тотчас перепрыгнул через поверженную машину и оказался в коридоре с одним только «спайдером».

Его тотчас встретили огнем из-за угла боковой галереи. Пришлось прижаться к стене и ждать, пока свои не поддержали его залпами из «МС». Кажется, это был Дино Фронтер. Он мастерски подрезал воздухоочистительные колонны, и они завалили скрывавшихся за ними урайцев.

– Туда! – указал Ник выбравшимся следом за ним товарищам и первым пошел вперед. Из ниши выскочил ураец, Ник выстрелил.

– Ламберт! Во вторую камеру не суйся! – снова прокричал по радио Поджерс. – Мы через твою пройдем!

– Понял! – ответил Ник и, подождав, пока за ним встали Бах и Дино Фронтер, начал осторожно спускаться на технологический этаж.

31

Спустя полчаса на корабле урайцев уже не было ни одной живой души. Курсанты при каждом удобном случае применяли грозные «МС» и сносили противника вместе с перегородками, технологическими узлами и трансформаторами, за которыми те укрывались.

В нескольких местах пришлось схватиться врукопашную, и, как ни странно, курсанты оказались значительно сильнее противника.

Сказывалась и робость урайских солдат, которые были уверены, что имеют дело с настоящими «корсарами». Они отступали шаг за шагом, а подопечные сержанта Поджерса атаковали их шквальным огнем и при случае сразу обнажали свои ножи.

В реальном бою никто из них уже не совершал своих прежних ошибок, и даже стрельба из спеллера давалась им легко. Нику тоже пришлось пригвоздить стрелами двух урайцев, когда его «спайдер» заклинило от попавшего осколка.

И все же, хотя почти все получалось, учебная рота несла ощутимые потери. Солдаты майора Фришера прилично стреляли и не давали противнику спуска. А в самый разгар сражения в спины курсантам ударил «альберти-2», и прежде чем его повалили фаеркопами, он успел выкосить половину взвода.

Ник слышал по радио их крики, когда пробивался в глубь технических этажей, и это лишь подстегивало его идти все дальше и дальше, стреляя налево и направо, подбирая трофейное оружие и сменяя спутников, когда те гибли под вражеским огнем.

Сначала Дино Фронтеру снесло голову выстрелом из фаеркопа. А потом прострелили из бронебойного ружья Баха.

Весельчаку Линсдею в рукопашной схватке у машинного отделения вогнали нож в лицо, прямо сквозь забрало. Было много других, кто просто вскрикивал и валился, сраженный из-за угла точным выстрелом. Везло пока только Нику, но и то лишь потому, что он умудрялся все время опережать врага.

А еще ему помогали команды Поджерса, который пробивался где-то в другом месте. Сержант не обращался конкретно к Нику, но ему было достаточно просто слышать голос инструктора.

Потом сержант куда-то исчез, и вместо него стал отдавать приказания Энрике Мальцев.

Когда урайцев вытеснили из капитанской рубки, исчез и он, однако враг уже был разбит, сломлен и отдельных уцелевших урайцев курсанты преследовали в самых отдаленных кормовых отделениях.

После отключения генераторов радиопомех штабной корабль сумел наконец связаться со своими, и вскоре пришла помощь. Зная о штатном количестве солдат на подобных «спрутах», к месту происшествия были подтянуты пятнадцать рейдеров с десантом морской пехоты.

Перебравшись на «спрут» через швартовый узел штабного судна, пехотинцы тотчас принялись сортировать своих и чужих, оказывая помощь раненым курсантам.

– Кто у вас старший? – спросил руководивший пехотинцами полковник.

Ламберта вытолкнули вперед, и он представился:

– Курсант Ламберт, сэр. Учебная рота Форт-Дикса.

– Так вы что же, курсанты?! – поразился полковник.

– Так точно, сэр. Там на носилках вынесли нашего сержанта-инструктора.

– Да вы просто молодцы... ребята... – Полковник пожал Нику руку, затем перешел к другому курсанту и тоже пожал ему руку. И всем, кто еще стоял на ногах. Всем двадцати трем из шестидесяти.

– Мы этот «спрут» уже два месяца ловим. Они нам тут такого наделали – за последнюю неделю два раза штабные суда чистили...

Когда морские пехотинцы эвакуировали всех раненых, пришло время опознавать убитых товарищей.

Подчас это было не так просто, поскольку выстрелы из фаеркопов в упор разрывали тела пополам.

Когда принесли останки второй тройки – Байля, Эльроссе и Розовски, которые должны были проскочить через другую переходную камеру, Нику стало ясно, почему там произошла заминка. Видимо, оператор вовремя заметил угрозу и пустил штамп второй раз, в тот самый момент, когда трое курсантов ворвались в камеру. Их просто перерезало пополам, быстро и аккуратно. Не помогла даже броня.

Теперь пехотинцы разложили их тела на полу и тщательно подогнали части. Если бы не почерневшие потеки крови, места разрезов были бы почти незаметны.

Вскоре закончили перепись погибших.

– Тридцать один человек, – подвел итог полковник и захлопнул блокнот. – Вас я попрошу остаться, рядовой Ламберт, а остальные пусть возвращаются к себе на судно. Если в этом есть необходимость, я могу дать вам психолога.

– Нам психолог не нужен, сэр, – за всех ответил Ник. И, посмотрев на уцелевших товарищей, сказал: – Идите в жилое помещение и наведите там порядок. Вещи тех, кто... погиб, сложите отдельно. Вещи раненых – тоже.

Курсанты ушли, обессиленно волоча тяжелые «МС» и прихрамывая.

– Да-а... – протянул полковник, глядя вслед уходящим. – Такими мальчишками я всегда буду гордиться... Гвардия...

32

Планета Саймарк находилась чуть в стороне от главного торгового пути, начинавшегося у миров Союза Двадцати Семи и заканчивающегося среди теряющих силу образований Оранжевой Республики. Впрочем, Саймарк не был обделен вниманием заезжих гостей, ведь именно на нем размещалась одна из самых известных корабельных ярмарок.

В основном это были уиндеры, яхты, небольшие танкеры, погрузчики и буксиры. Иногда появлялись устаревшие военные корабли вроде рейдеров или ближних разведчиков. Пушки с них были сняты, и оттого эти ветераны напоминали отслуживших свое беззубых псов.

Одна из торговых площадок располагалась на безжизненном пустынном плато возле города Окантамы. Когда-то это был всего лишь грязный поселок рудокопов, добывавших в горах наркотический камень бурмус, но, когда появилась ярмарка судов, его дела резко пошли в гору. Рядом с городом пробурили артезианские скважины, построили несколько гостиниц, открыли магазины и питейные заведения. По вечерам на улицах стали появляться проститутки, а за пост мэра города, впервые за его долгую историю, развернулась самая настоящая война. При этом мэра выбрать не удалось, и на его место был назначен военный комендант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.